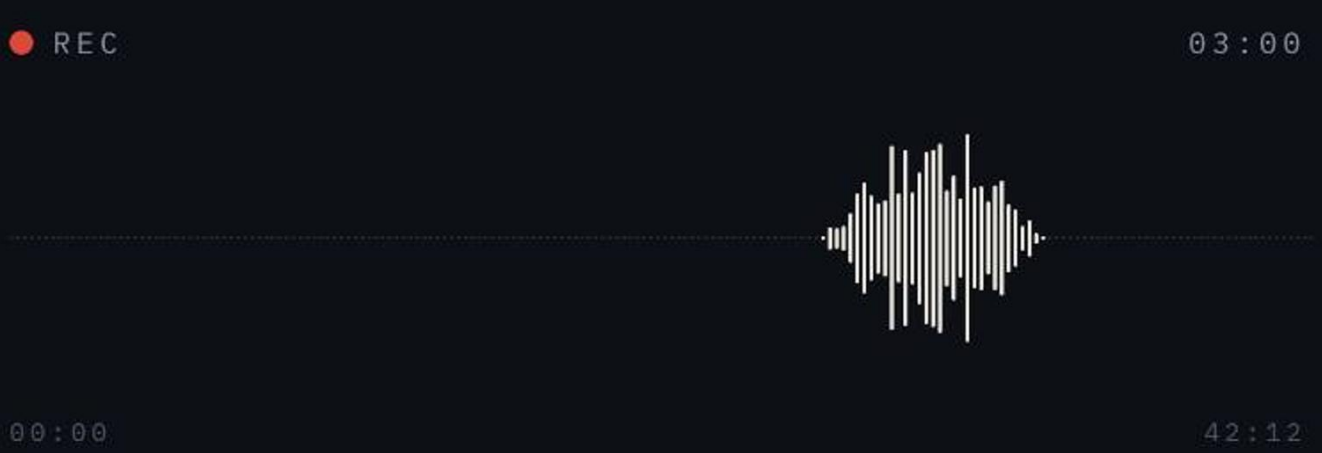
АЛЕКС НОРВЕЛ

Чужой голос

РОМАН

Алекс Норвел

Чужой голос

«Автор»
2026

Норвел А.

Чужой голос / А. Норвел — «Автор», 2026

Восемь лет Дин работает на ночной анонимной линии поддержки. Он не даёт советов, ничего не обещает и никому не рассказывает о себе — только слушает. Однажды на лестнице звукорежиссёр Мара просит его три минуты не двигаться, пока она записывает тишину. Впервые за долгое время Дину есть чего ждать. Мара сразу говорит, что не обещает ему ничего. Дин соглашается — слишком легко. А потом в три часа ночи на линии звучит голос, который он не должен был узнать.Тихий психологический роман о том, как легко принять заботу за контроль, а внимание — за право знать. И о человеке, который слишком хорошо умеет слушать чужие голоса и совсем не умеет говорить своим.

© Норвел А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Три часа 6
Глава 2. Три минуты 14
Глава 3. Ночная карта 21
Глава 4. Живой человек 29
Глава 5. Без «мы» 35
Глава 6. Нужный голос 44
Конец ознакомительного фрагмента. 52

Алекс Норвел
Чужой голос

НЕ ДАВАЙТЕ СОВЕТОВ.
НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЙТЕ.
ОСТАВАЙТЕСЬ РЯДОМ.
Памятка оператора ночной линии поддержки

Глава 1. Три часа

К полуночи в операторской оставалось четверо: я, Клэр, Майлз и старый кондиционер, который гремел так, будто внутри него кто-то собирал мебель. Клэр сидела у окна, поджав одну ногу, и листала журнал смен. Майлз ел хлопья из бумажного стакана. Я смотрел на часы.

До конца смены оставалось семь часов.

— Ты опять смотришь на них, — сказала Клэр.

— Они сами идут.

— Это их работа.

Я пожал плечами и поправил гарнитуру. На стене висела памятка с крупными буквами: НЕ ДАВАЙТЕ СОВЕТОВ. НИЧЕГО НЕ ОБЕЩАЙТЕ. ОСТАВАЙТЕСЬ РЯДОМ. Нижний угол отвалился от стены и держался на полоске прозрачного скотча.

Линия принимала звонки круглосуточно. В системе не было имён, адресов и профилей. После каждого разговора мы отмечали только длительность и пару технических пунктов: кризис, молчание, передача в экстренную службу, завершено абонентом. Если человек назывался Дженни, система не знала, что минуту назад он назывался Томом. Если звонил снова, мы тоже ничего не знали. Разве что сами запоминали голос.

За восемь лет я запомнил больше голосов, чем лиц. Это было неудобно, когда люди подходили ко мне в магазине и начинали говорить. Обычно я не узнавал их. Голос, отделённый от тела и помещённый в наушник, жил по другим правилам.

Первый звонок пришёл через девять минут после полуночи.

— Я не знаю, зачем позвонила, — сказала женщина.

— Вы можете не знать.

— Я думала, здесь будут спрашивать, что случилось.

— Что случилось?

Она замолчала. Я слышал, как она дышит, потом как открывает кран. Вода текла долго, хотя ответа от неё не требовалось.

Я не задавал следующий вопрос сразу. В этом была почти вся работа: не торопить, но и не уходить слишком далеко в тишину. В первые месяцы я считал секунды. Потом перестал.

Женщина говорила двадцать восемь минут. Её звали, по её словам, Мэдди, но она несколько раз забывала, как именно произнесла имя, и больше к нему не возвращалась. Она поссорилась с сестрой, не спала две ночи и обнаружила, что в холодильнике нет ничего, кроме соуса и половины лимона. Я спросил, есть ли рядом кто-нибудь, кому она могла бы написать. Она сказала, что есть, но не хочет писать первой.

— Вы можете не писать первой, — сказал я.

— Тогда ничего не произойдёт.

— Возможно.

— Вы должны сказать, что мне стоит написать.

— Я не знаю, что вам стоит писать.

Она тихо засмеялась, будто я провёл тест и случайно его прошёл. Потом сама рассказала, что хочет отправить сестре фотографию лимона. В конце спросила, можно ли позвонить завтра.

— Можно позвонить, — сказал я.

— Вы будете здесь?

— Я не знаю, кто будет здесь.

— А вы?

— Этого я тоже не знаю.

Это было неправдой. Расписание висело на внутреннем экране до конца месяца. Но Мэдди не могла его увидеть, а я не хотел, чтобы она ждала именно меня. Она попрощалась и отключилась.

Я поставил отметку «завершено абонентом» и потёр переносицу. Клэр подняла глаза от журнала.

— Всё нормально?

— Она собиралась отправить фотографию лимона.

— Это хорошо?

— Не знаю.

— Тогда всё нормально.

Клэр говорила так, будто у неё был отдельный справочник для подобных случаев. Она работала здесь третий год и уходила в конце следующего месяца, потому что собиралась учиться на медицинскую сестру. На столе у неё стояла кружка с надписью «НЕ БОЙСЯ НАЖАТЬ», хотя на дне кружки была трещина.

В два часа мы вышли на заднюю лестницу покурить. Дверь закрывалась только со второго раза. За ней гудели серверы, а с улицы тянуло мокрым асфальтом и чем-то сладким из круглосуточного кафе в соседнем здании.

Клэр прикурила от моей зажигалки и не вернула её.

— У тебя есть план на выходные? — спросила она.

— Есть смена в субботу.

— Это не план.

— Тогда нет.

— Ты когда-нибудь отвечаешь иначе?

— Иногда говорю, что посмотрю.

— И смотришь?

— В основном на часы.

Она выдохнула дым через нос.

— Тебе тридцать один, Дин.

— Я в курсе. На торте было написано.

— Ты покупал себе торт?

— Нет. Марк купил.

— Значит, Марк знает, что тебе тридцать один.

— Он умеет считать.

Клэр засмеялась, но недолго. Внизу хлопнула дверь, и мы оба посмотрели на лестничный пролёт. Это был Майлз. Он высунулся из-за площадки.

— У кого-нибудь есть зарядка для телефона?

— У тебя есть телефон? — спросила Клэр.

— Телефон есть. Зарядки нет.

— Тогда ты не готов к взрослой жизни.

— Поэтому я работаю здесь.

Майлз исчез. Клэр докурила и отдала мне зажигалку, положив её на ладонь, как сдачу.

— Ты правда всё время после смены идёшь домой? — спросила она.

— Иногда в магазин.

— Это считается?

— Там есть свет.

Она снова засмеялась. Потом спросила, живу ли я один. Я сказал, что да. Клэр хотела спросить что-то ещё, но дверь на лестницу открылась, и из динамика в коридоре донёсся сигнал входящего звонка.

— Спасён, — сказал я.

— Не думаю, что это слово здесь подходит.

— Я тоже.

В операторской зазвонила линия.

Следующие два часа прошли без особых событий. Мужчина с тяжёлым акцентом просил объяснить, считается ли изменой поцелуй во сне. Девушка молчала сорок семь секунд, потом сказала, что слышит шаги за дверью. Я спросил, заперта ли дверь, есть ли кто-нибудь рядом, может ли она перейти в более безопасное место. Она ответила, что шаги прекратились. Мы говорили ещё десять минут. Когда звонок закончился, я долго смотрел на отметку в системе, прежде чем выбрать «завершено абонентом».

В три без одной минуты на экране появилась строка входящего вызова.

Я нажал кнопку.

— Линия поддержки. Я слушаю.

Несколько секунд в трубке ничего не происходило. Потом мужчина сказал:

— Я хочу рассказать про одну женщину.

Голос был хриплым, но не от простуды. Он говорил медленно, как человек, который перед каждой фразой проверял, не сделал ли уже слишком много.

Я узнал его не сразу. Сначала узнал паузу после слова «женщину». Затем то, как он втягивал воздух через зубы. На третьем звонке он рассказывал, что бывшая жена оставила у него синюю кружку и забрала все остальные. На четвёртом говорил, что видел её свет в окне. На пятом — что не может избавиться от привычки покупать на двоих.

Я называл его про себя Аноном, потому что настоящего имени у него не было. В первый раз он представился Джейсоном, потом сказал, что это неважно. В следующий раз назвался Полом. Однажды назвал себя Майклом, но сам же рассмеялся и сказал, что Майкл ему не подходит.

— Вы сейчас где? — спросил я.

— На улице.

— В безопасности?

— Да.

— Что вы видите?

— Её дом.

Он стоял напротив дома бывшей жены. Я не знал улицы, номера, города или даже того, действительно ли это был дом. Но представлял его слишком хорошо: тёмная сторона улицы, несколько освещённых окон, машина у бордюра. Он звонил, чтобы не подойти ближе.

— Вы давно там стоите? — спросил я.

— Минут двадцать.

— Что произошло двадцать минут назад?

— Ничего. Я приехал.

— Зачем?

— Хотел рассказать про одну женщину.

— Вы уже рассказываете.

— Не про эту.

Он замолчал. Я услышал шум машин, потом чей-то смех на расстоянии. В его трубке ветер звучал громче, чем обычно. Возможно, он держал телефон под воротником.

— О какой женщине вы хотите рассказать? — спросил я.

— О той, которая живёт там.

— Вашей бывшей жене?

— Да.

— Вы хотите ей позвонить?

— Нет.

— Хотите подойти к дому?
— Нет.
— Тогда что вы собираетесь делать?
— Не знаю.
Он ответил быстро. Это было хуже, чем если бы он долго думал.
— Можете отойти от дома? — спросил я.
— Куда?
— В любое место, откуда его не видно.
— Если я отойду, это ничего не изменит.
— Возможно.
— Вы всё время так говорите?
— Как?
— Возможно. Не знаю. Выбирайте сами.
— Я не могу выбирать за вас.
— А если я хочу, чтобы выбрали?
— Тогда я всё равно не могу.
Он тяжело выдохнул.
— Она сейчас спит, — сказал он. — Наверное.
— Что заставляет вас думать, что она спит?
— Свет выключен.
— Вы часто смотрите на её окна?
— Иногда.
— Сегодня вы хотите сделать что-то, что может причинить вред вам или ей?
Он ничего не ответил. Я повторил вопрос через несколько секунд. Так требовал протокол, и сам вопрос не становился легче от повторения.
— Нет, — сказал он наконец.
— У вас есть оружие?
— Нет.
— Алкоголь или наркотики?
— Я выпил.
— Сколько?
— Не знаю. Два или три.
— Вы приехали за рулём?
— Да.
Я попросил его не садиться за руль. Он сказал, что машина припаркована дальше по улице и что он может оставить её до утра. Потом спросил, слышно ли, как он дышит.
— Да.
— Это плохо?
— Нет.
— Я думал, вы не знаете.
— Я знаю, что слышу.
Он коротко засмеялся. В его смехе не было веселья, но это было изменение, и я за него зацепился.
— В прошлый раз вы сказали, что можно пройти до заправки, — сказал он.
— Я не помню прошлый разговор.
— Я говорил с вами.
— Возможно.
— Вы не помните?
— Я помню голос.

После этого он долго молчал. Я думал, что он отключился, но слышал слабое потрескивание. Потом понял, что он, вероятно, прикрыл микрофон рукой.

— Что вы помните? — спросил он.

— Что вы стояли у дома.

— Я всегда стою у дома.

— Не всегда.

— Тогда что ещё?

— Вы начинали одинаково.

— Я хочу рассказать про одну женщину.

— Да.

— И вы всё равно слушали.

— Это моя работа.

Он снова засмеялся, на этот раз чуть дольше.

— Это звучит почти как забота.

— Это работа.

— Вам так проще?

— Что именно?

— Называть всё работой.

Я ничего не ответил. За стеклом Клэр подняла голову и посмотрела на меня. Она не могла слышать его слов, только мою сторону разговора. Я отвернулся к монитору.

— Можете сейчас пойти к заправке? — спросил я.

— Там ярко.

— Это может быть полезно.

— Вы думаете, свет что-то меняет?

— Я думаю, там будут люди.

— Люди ничего не меняют.

— Иногда меняют.

— У вас есть кто-нибудь, кто меняет?

Я посмотрел на коробку с салфетками, на кабель, приклеенный к столу, на красные цифры часов. Вопрос не относился ко мне. Абоненты иногда задавали вопросы, чтобы перестать отвечать на свои.

— Сейчас мы говорим о вас, — сказал я.

— Конечно.

В его голосе появилась усталость. Не та, которая просит продолжать, а та, которая начинает соглашаться с любым исходом.

— Вы можете назвать мне пять вещей, которые видите? — спросил я.

— Это упражнение?

— Да.

— Вы только что сказали, что не выбираете за меня.

— Это не выбор.

— Выбираю я?

— Да.

— Ладно. Фонарь. Дерево. Белая машина. Окно. Мусорный контейнер.

— Четыре звука, которые слышите.

— Машины. Ветер. Музыка из бара. Вас.

— Ещё один.

— Собственное дыхание.

— Хорошо.

— Вы опять сказали «хорошо» так, будто это неважно.

— Я не это имел в виду.

— А что вы имели в виду?

— Что вы продолжаете говорить.

Он замолчал. Я услышал, как зашуршала ткань. Потом шум улицы стал тише.

— Я отошёл, — сказал он.

— Дом всё ещё виден?

— Нет.

— Вы находитесь в безопасном месте?

— На заправке.

— Вы зашли внутрь?

— Да.

В его голосе появился гул, похожий на работающий холодильник. Или на кондиционер в нашей операторской. Различать звуки через линию было бессмысленно, но я всё равно пытался.

— Можете купить воды? — спросил я.

— Не хочу.

— Тогда просто останьтесь внутри.

— До утра?

— Столько, сколько нужно.

— Вы уйдёте, если я скажу, что остаюсь?

— Звонок закончится, когда вы будете готовы.

— А если я не буду готов?

— Тогда мы ещё немного поговорим.

Он сказал, что у кассира зелёные волосы. Потом рассказал, что его бывшая жена никогда не красила волосы, потому что считала это дорогим способом притворяться другим человеком. Он не знал, откуда это помнил. Я спросил, как её звали. Он назвал имя, но оно утонуло в шуме заправки. Я не попросил повторить.

Через двадцать минут он сказал, что вызовет такси и оставит машину до утра. Я попросил его не садиться в автомобиль. Он пообещал. Обещаниям на линии нельзя было доверять, но иногда их хватало на ближайшие пять минут.

— Я опять хочу рассказать про одну женщину, — сказал он.

— Расскажите.

— Она однажды сказала, что я слишком близко стою.

— Где?

— Везде.

Я ждал продолжения. Его не было.

— Что вы сделали? — спросил я.

— Отступил.

— И всё?

— На полшага.

— Вы хороший оператор, — сказал он.

— Я просто устал.

— Это одно и то же?

— Нет.

Он попрощался в 3:41. Я поставил отметку «завершено абонентом» и снял гарнитуру. На коже за ухом остался красный след.

Клэр подошла к моему столу.

— Он ушёл?

— На заправку.

— Ты знаешь его?

— Нет.

Она посмотрела на меня так, будто вопрос был задан не совсем правильно.

— Ты говоришь с ним не первый раз.

— Я узнаю голос.

— Это и есть знать?

— Не по нашей системе.

— Я не про систему.

Я взял ручку и поставил её рядом с клавиатурой, хотя она и так лежала рядом.

— Он звонил раньше.

— И всегда рассказывает про одну женщину?

— Обычно.

— Тяжёлый случай.

— У всех тяжёлые случаи.

— Я про тебя.

— У меня нет случая.

Клэр положила ладонь на спинку соседнего кресла.

— Ты хоть спишь?

— До четырёх.

— До четырёх утра?

— До четырёх дня.

— Это не сон, это рабочая смена мозга.

— Мозг не выходит на работу.

Она хотела ответить, но снова зазвонила линия. Клэр вернулась к своему столу.

Я принял вызов.

В пять минут пятого позвонил парень, который трижды спрашивал, можно ли ненавидеть отца и всё равно скучать по нему. В 4:26 кто-то молчал в трубке почти минуту и отключился. Я отметил молчание и пошёл за кофе.

В автомате застрял стакан. Майлз ударил по нему ладонью, и кофе вылился на пол.

— Система работает, — сказал он.

— Это было видно.

— Я могу вызвать уборщика.

— До утра никого нет.

— Тогда это станет частью пола.

Клэр принесла бумажные полотенца из туалета. Мы втроём вытирали кофе, хотя его было немного и можно было просто оставить. Майлз всё время рассказывал, что его телефон заряжается от ноутбука, если держать кабель под углом. Клэр сказала, что это не зарядка, а скорее молитва.

Остаток смены я провёл перед экраном. В 6:40 солнце не появилось — стекло напротив выходило на стену соседнего здания. В 6:58 я снял гарнитуру и расписался в журнале. В графе для замечаний написал: «Без происшествий», потом зачеркнул и оставил пустой.

На улице уже было достаточно светло, чтобы не чувствовать себя частью ночи. Я закурил под навесом и проверил телефон. Марк прислал сообщение: «Ты жив?». Следом: «Это не срочно. Ответь до пятницы».

Я написал: «Да».

Подумал и добавил: «А ты?»

Марк ответил почти сразу: «Я в продаже. Все живы, пока не подписали контракт».

Я убрал телефон в карман и пошёл к магазину. Дома не было еды, но это не значило, что нужно было покупать еду. Я взял две банки пива, пачку сигарет и маленькую упаковку хлопьев, потому что Майлз ел их ночью и выглядел так, будто это можно делать без последствий.

Продавец пробил покупки и спросил, нужен ли пакет.

— Нет.

Он посмотрел на две банки и сигареты.

— Тогда точно нет.

Дома в коридоре пахло пылью и чужим порошком. Я бросил ключи на тумбу и включил свет. Лампочка загорелась не сразу. Вторая попытка оказалась успешной.

Коробка Эммы стояла у шкафа, где стояла последние два года. На крышке сохранилась наклейка от переезда. Я сам написал на ней маркером: «ЭММА». Буквы расплылись по картону, потому что маркер был почти сухой.

Я поставил банки на кухонный стол и снял куртку. Открыл холодильник. Внутри лежали соус, половина лимона и пустая тарелка, которую я не помнил, зачем поставил на среднюю полку. Я закрыл дверцу.

Телефон снова оказался в руке.

Я открыл переписку с Эммой. Последнее сообщение было двухмесячной давности. Она спрашивала, нашёл ли я её старые документы. Я ответил, что посмотрю. После этого ничего не было.

Я набрал: «Привет. У меня всё ещё стоят твои вещи. Могу привезти их на этой неделе».

Прочитал. Слово «могу» выглядело как попытка не делать этого. Я стер его и написал: «У меня стоят твои вещи. Когда их привезти?»

Это было хуже. Вопрос требовал ответа.

Я добавил: «Если они тебе нужны».

Потом стер всё сообщение, кроме «Привет». На него тоже посмотрел и удалил.

Одна из банок уже была открыта. Я не помнил, как именно. Наверное, воспользовался ключом. Пиво оказалось тёплым, но не настолько, чтобы вставать и искать лёд. Льда всё равно не было.

Я сел на пол напротив коробки. Картон немного прогнулся с одной стороны. Внутри лежали книги, серый свитер, две кружки, зарядное устройство, которое уже не подходило ни к одному моему телефону, и рамка без фотографии. Фотографию Эмма забрала, рамку оставила.

Я не открывал коробку. Просто сидел, пока пиво не стало горчить.

В холодильнике включился мотор. Гул нарастал, потом менялся, как бывает у старых приборов, и на секунду в нём послышалось: «Я хочу рассказать про одну женщину».

Мотор щёлкнул и перешёл на ровный шум.

Я допил пиво и открыл вторую банку.

Потом поставил будильник на четыре.

Глава 2. Три минуты

В четыре зазвонил будильник. Я выключил его, перевернул подушку и в следующий раз посмотрел на телефон, когда на кухне уже стало темно. Было девять семнадцать. Никто не звонил. Марк прислал фотографию стула с отломанной спинкой и сообщение: «Не спрашивай». Через двадцать минут после него — ещё одно: «Ты в пятницу работаешь?»

Я открыл календарь. Пятница была сегодня. Ночная смена стояла на завтра.

«Нет», — написал я.

Пока чистил зубы, Марк ответил: «Уже разобрался».

Я поставил под его сообщением большой палец. К стулу он, вероятно, не относился.

На кухне осталась половина утренней еды в картонной коробке. Я поднял крышку, посмотрел на потемневший картофель и закрыл обратно. В раковине лежала вилка. Другая нашлась на подоконнике под конвертом от поставщика электричества. Конверт был нераспечатанный, вилка — чистая на вид. Я переложил её к первой.

Холодильник загудел, когда я достал пиво. В дверце стояли горчица, бутылка воды и маленькая банка с чем-то, что Эмма когда-то назвала хорошей заправкой. Срок годности был напечатан на крышке слишком мелко. Я оставил её там, где она стояла.

Телефон снова засветился.

«Мог бы раньше ответить».

Я набрал: «Спал». Отправил. Подождал немного, держа открытую банку у рта. Марк прочитал и больше ничего не написал.

За окном в доме напротив горели кухни. У одного окна мужчина в белой майке держал на руках ребёнка и качал его, не сгибая коленей. Двигались только ступни. Ребёнка почти не было видно за рамой. Я отошёл от окна, поставил пиво возле компьютера и включил экран. Вкладки остались со вчерашнего утра: фильм, который я не досмотрел, прогноз дождя, инструкция к кофеварке, которой у меня не было. Наверное, открыл случайно.

Фильм начался с середины разговора. Женщина сидела в машине, мужчина стоял снаружи. Я убавил звук, чтобы не выяснять, о чём они спорили. Минут через десять мужчина сел в машину. Я закрыл вкладку.

К половине одиннадцатого банка стала тёплой, хотя в ней ещё оставалось. Я допил и полез в пачку сигарет. Одну достал, вторая выехала следом и упала под стол. Я не стал наклоняться.

На улице шёл мелкий дождь. Это было видно по свету фонаря, а не по стеклу: окно выходило под широкий бетонный козырёк. Я сунул ноги в кроссовки, взял ключи с края стола и вышел на лестницу. Дверь пришлось потянуть за ручку дважды. Замок давно просил, чтобы с ним что-нибудь сделали.

Я обычно курил у окна между вторым и третьим этажами. Створка там не закрывалась до конца, зато возле подоконника не капало. Внизу висело объявление о запрете курения. Кто-то аккуратно подчеркнул слово «всем», и с тех пор я проходил мимо него, стараясь не задевать стену пеплом.

В этот раз на площадке стояла женщина.

Сначала я увидел провода. Один тянулся через ступень к чёрной сумке, другой свисал с маленькой стойки. На стойке были закреплены два тонких микрофона, развёрнутые в разные стороны. Женщина сидела на корточках у стены и смотрела на прибор у себя на коленях. На ней была тёмная куртка с закатанными рукавами, хотя возле окна тянуло. Волосы были собраны кое-как; одна прядь прилипла к щеке.

Я остановился у верхней ступени. Она подняла руку, не глядя на меня.

— Секунду.

Я решил, что она говорит по телефону. Потом увидел большие наушники на её шее.

— Мне только к окну, — сказал я.

Она посмотрела на сигарету у меня в пальцах.

— Не зажигай пока.

Я уже держал зажигалку. Палец лежал на колёсике.

— Пожарная проверка?

— Хуже. Запись.

Она поднялась, придерживая прибор за ремень. На экране двигались зелёные полоски. Из кармана куртки торчал моток красной изоленты.

— Можешь три минуты не двигаться?

Я посмотрел вниз. До окна оставалось пять ступеней, до моей двери — девять.

— Совсем?

— Дышать можно. По возможности без комментариев.

— А потом курить?

— Потом хоть две сразу.

Она улыбнулась, не мне. Нажала кнопку и снова подняла ладонь. Я убрал большой палец с колёсика. Прятать зажигалку в карман не стал: это тоже было движением.

Первые несколько секунд я слушал, как она устраивается у стены. Подошва скользнула по полу. Тихо щёлкнула застёжка на сумке. Женщина глянула на меня и сделала такое лицо, словно застёжка была не её.

Потом всё закончилось, кроме обычных звуков дома.

Снизу доносился низкий гул. Я никогда не замечал, что он то стихает, то становится громче, хотя наверняка слышал его каждый день. В трубе за стеной что-то протекло с коротким свистом. С улицы приехала машина, постояла и уехала; колёса прошуршали по мокрому покрытию. Где-то закрыли шкаф или небольшую дверь. Большая хлопнула бы иначе.

Я перевёл вес на другую ногу.

Женщина сразу посмотрела на мои кроссовки.

Я перестал.

Сигарета торчала между указательным и средним пальцами, как на неудачной фотографии. От этого захотелось курить сильнее. В квартире я мог часами держать пачку возле руки и не вспоминать о ней. Теперь мне мешало, что сигарета не горит. Я посмотрел на её ровный край, на крошку табака, которая почти выпала, но зацепилась за бумагу.

На верхнем этаже открылась дверь.

Мы оба подняли головы.

Вышел человек в шлёпанцах. Я видел только его ноги сквозь перила. Он сделал два шага, постоял и вернулся. Дверь закрылась осторожно, а замок повернулся так громко, будто уронили связку ключей.

Женщина опустила глаза к прибору. Губы у неё двигались. Кажется, она беззвучно выругалась.

Мне захотелось спросить, начинать ли заново. Я даже открыл рот, но она покачала головой, хотя я ничего не сказал. Возможно, дело было не во мне.

Снизу потянуло холодом. На тыльной стороне руки зашевелился волосок. Я почувствовал, что нос собирается чесаться, и начал смотреть на противоположную стену. Там было светлое пятно в форме прямоугольника. Когда-то висело объявление; теперь остались четыре жёлтых угла клейкой ленты. Я попробовал вспомнить, что на нём было написано. Не вспомнил.

Зажигалка нагрелась в ладони.

Женщина стояла, опираясь плечом о стену, и держала рекордер обеими руками. На одном ногте была полоска синей краски или лака. Она не смотрела на часы. Я посмотрел бы на телефон, но для этого требовалось достать его из кармана.

За окном звякнул металл. Потом ещё раз, тише.

По лестнице медленно прошёл сквозняк. Мне показалось, что кто-то спускается снизу вверх, хотя шагов не было. Я опустил глаза на первый пролёт. Там стоял велосипед без переднего колеса, как и неделю назад.

Женщина нажала кнопку.

— Всё.

Я сразу почесал нос.

— Поздравляю, — сказала она.

— С чем?

— Ты почти не шуршишь.

Я спустился к окну, обошёл провод и зажёг сигарету. Первый вдох получился слишком глубоким. Я отвернулся, кашлянул в рукав.

— Это тоже записываешь?

— Уже нет.

Она опустилась на корточки возле стойки и стала отвинчивать микрофоны. Я приоткрыл окно ещё на несколько сантиметров. Дождь за ним был частый и мелкий, с редкими крупными каплями, которые срывались с водостока.

— Что было? — спросил я.

— Где?

— В записи.

Она посмотрела на рекордер, будто могла что-то там прочесть.

— Твоя лестница.

— Я думал, ты кого-то ждёшь.

— Нет.

— Или трубу проверяешь.

— Труба хорошая. Особенно в середине.

Она убрала один микрофон в узкий футляр, второй оставила на стойке. На плече куртки был мокрый след. Я заметил ещё несколько на спине, там, где лежал ремень сумки.

— Ты здесь живёшь?

— Нет. Внизу открыли.

— Кто?

— Мужчина с собакой. Спросил, не измеряю ли я радиацию. Я сказала, что звук. Он разочаровался.

Внизу действительно жил мужчина, который выводил старую рыжую собаку и всё время смотрел на потолок лифта. Лифт в доме был, но до моего этажа я обычно ходил пешком: он приезжал долго, а внутри пахло разогретой резиной.

— А тебе это зачем?

— Собираю ночные места. Для аудиокарты. Подъезды, переходы, пустые парковки. Не только пустые, но с людьми труднее.

— Они шуршат.

— И спрашивают, зачем.

— Извини.

— Да нет. Я сама на твоей лестнице.

Я стряхнул пепел в жестяную банку за оконной рамой. На дне плавали окурки и размокшая спичка. Женщина проследила за моей рукой, затем вернулась к стойке.

— Аудиокарта — это в телефоне? — спросил я.

— Будет в интернете. Если закончу. Открываешь точку и слушаешь. А потом, возможно, сделаем инсталляцию.

— С этой трубой?

— Если повезёт.

Она потянула провод, обнаружила, что он зацепился за ножку стойки, и осторожно высвободила. Вставать ей пришлось боком, чтобы не удариться о подоконник. Я отодвинулся. Она пахла мокрой тканью и чем-то не сладким, похожим на мыло.

— Я Мара, — сказала она.

— Дин.

Она кивнула и снова присела. Руку я не протягивал, потому что в одной была сигарета, в другой зажигалка. Потом вспомнил, что зажигалку можно убрать.

— Долго собираешь?

— Сегодня или вообще?

— Вообще.

— Четыре месяца. Сегодня с девяти.

Я посмотрел на телефон. Было без двадцати одиннадцать. В квартире прошло больше времени, чем мне казалось, а на лестнице — меньше.

— Работа такая?

— Звук для кино — работа. Это пока расход денег.

— Понятно.

— Не очень, но ладно.

Она улыбнулась уже мне. У неё был небольшой скол на верхнем зубе. Я заметил его и зачем-то проверил языком собственные зубы.

Сигарета догорела почти до фильтра. Я затушил её о край банки, но она продолжала дымить. Пришлось прижать ещё раз. Мара застегнула футляр и потянулась к наушникам.

— Хочешь послушать?

— Что?

— То, ради чего стоял.

Я посмотрел на чёрные чашки у неё в руках.

— Там же ничего нет.

— Тогда быстро справишься.

Она протянула наушники. Я взял их, перевернул, нашёл букву на внутренней стороне и надел. Подушки оказались тёплыми. Мара подвинулась ближе, чтобы хватило провода, и нажала на рекордере кнопку.

В ушах возникла лестница.

Я поначалу даже повернул голову к окну. Машина снова прошла по мокрой улице, хотя внизу никого не было. Гул из подвала оказался шире, чем я слышал без наушников. Он занимал всё пространство, а поверх него отдельно жили труба, дождь и короткий сухой треск. От последнего я дёрнул плечом.

Мара посмотрела вопросительно.

— Что-то щёлкнуло, — сказал я слишком громко.

Она показала на рекордер, потом на мою руку.

Я посмотрел на зажигалку, которую всё-таки так и держал.

— Я не зажигал.

— Крышка.

Она говорила, и её голос доносился снаружи, маленький и неразборчивый рядом со звуком трубы. Я сдвинул одну чашку.

— Можно громче?

— Лучше не надо. Сейчас дверь будет.

Я вернул чашку на место. Человек наверху снова вышел в шлёпанцах. На записи слышалось, как он тянет ноги, а потом остановился прямо над нами. Мне почему-то стало неудобно, словно он мог посмотреть вниз и увидеть меня ещё раз.

Замок ударил в уши. Я поморщился.

Мара убавила громкость. Её пальцы были близко от моего запястья. На ремешке рекордера висела маленькая пластиковая застёжка, обмотанная лентой, чтобы не стучала о корпус. Я заметил её только теперь.

Дальше пошёл дождь. Из него на секунду выделилось тихое шуршание, которого я не помнил. Будто на площадке развернули бумажный пакет. Я посмотрел на лестницу, потом на Мару. Она слушала одним ухом через запасной наушник, прижатый пальцем, и ничего не показывала лицом.

Запись закончилась.

Я снял наушники. В доме стало непривычно тихо, хотя труба и гул никуда не делись.

— Ну? — спросила она.

— Замок громкий.

— Очень.

— Его можно убрать?

— Можно. Только не хочу.

Она приняла наушники и протёрла подушки краем рукава, без торопливости и без извинения. Потом посмотрела на экран, нажала несколько кнопок и переименовала файл. Я увидел начало слова «лестница» и цифры, прежде чем она повернула прибор к себе.

— Сколько у тебя таких?

— Лестниц?

— Ну. Всего.

— Много. Нужных меньше.

— А как понять, что нужная?

Она пожала плечом.

— Дома послушаю. Здесь всё время кажется, что хорошо. Особенно когда долго мерзла.

Я прислонился к подоконнику. От рамы на ладони осталась полоска грязи. Я потёр её большим пальцем и сделал только шире.

— Здесь не очень холодно, — сказал я.

— Ты из квартиры на пять минут вышел.

— Уже больше.

— Вот именно.

Она сняла последний микрофон, накрыла его мягким чехлом и уложила в сумку. На полу осталась короткая полоска белой ленты. Мара поддела её ногтем и отлепила. Под ней обнаружилась обычная серая плитка.

— Метка, — объяснила она, заметив мой взгляд. — Чтобы не поставить стойку иначе, если придётся повторить.

— Повторить три минуты?

— Бывает и двадцать.

— Я бы не выдержал.

— Ты неплохо начал.

Я достал пачку, хотя курить пока не хотелось. Открыл, закрыл. Мара подняла сумку, проверила, ничего ли не осталось под ней, и поправила лямку. На плече она сидела неровно; Мара подтолкнула что-то внутри локтем.

Снизу открылась входная дверь. В лестничный пролёт вошёл холод и запах мокрого асфальта. Женщина с первого этажа тащила два пакета. Один из них тёрся о ступени. Мы замолчали, пока она поднималась до своей площадки. Она посмотрела на стойку в руке Мары, на меня, снова на стойку.

— Только дверь за собой закройте, — сказала она.

— Конечно, — ответила Мара.

Женщина ушла. Её пакеты шуршали ещё несколько секунд за закрытой дверью.

— Это испортило бы запись? — спросил я.

— Другую получилось бы.

— Значит, тебе всё подходит.

— Нет. Сейчас бы пришлось спросить у неё разрешение. Потом она бы спросила, где это будет. Потом позвала бы мужа, потому что он лучше разбирается. Я уже пробовала.

Она застегнула карман, дёрнула молнию ещё раз и проверила её пальцами. Я заметил, что один зубец отсутствовал.

— Ты теперь домой?

— Ещё нет. Хочу к каналу. Там под мостом вентиляция, её после полуночи выключают.

— И ты ждёшь, пока выключат?

— Как раз хочу до этого. Мне нужен переход.

Я кивнул, хотя не очень понял, что ей нужно. Часть разговора можно было пропустить и всё равно вовремя кивнуть. На работе я этим не пользовался. Вне работы получалось само.

Мара посмотрела на меня чуть дольше.

— Ты вообще когда-нибудь слушал город ночью?

— У меня окно открыто.

— Значит, нет.

— Там иногда кричат.

— Это я могу и дома записать.

Она сдвинула стойку под мышку, освободив руку, и достала телефон. Экран был треснут у нижнего края. Мара посмотрела на время, затем на окно.

— Дождь почти кончился. Пойдём, если нечего делать.

Я ответил:

— Пойдём.

Потом посмотрел на свои штаны. На колене было засохшее пятно от соуса. Я провёл по нему пальцем. Пятно не изменилось.

— Мне куртку взять.

— Хорошо.

— Я быстро.

— Я не замеряю.

Она поставила сумку на ступень и достала из бокового кармана тонкую шапку. Пока я поднимался, встряхнула её и вытряхнула на ладонь переходник. Сверху было видно, как она посмотрела на него, потом на карман, будто не могла решить, кто из них виноват.

В квартире по-прежнему светился экран компьютера. Я закрыл окно с фильмом, хотя он никому не мешал. Куртка висела на спинке стула под рубашкой. Я снял с неё рубашку и бросил ее.

Телефон оставался в кармане. Ключи тоже. Я проверил их ещё раз, вернулся на кухню и выпил воды прямо из бутылки. На столе стояла пустая банка. Я понёс её к мусорному ведру, увидел, что пакет полный, и поставил рядом.

В прихожей пришлось передвинуть коробку у шкафа, чтобы достать второй кроссовок, который я скинул раньше не там. Потом я понял, что оба кроссовка уже на мне. Из-за коробки торчал старый домашний тапок. Я затолкал его обратно носком ноги.

Куртка была лёгкая. Я поискал другую, но она, кажется, висела в шкафу за коробкой. Решил, что до канала недалеко. Я бывал там с Марком несколько лет назад, когда ещё работал бар на воде. Возможно, это был другой канал.

Перед выходом я выключил свет на кухне. Из комнаты в прихожую падал синий прямоугольник от монитора: компьютер я закрыл не весь, только окно. Возвращаться не стал.

Мара ждала внизу, у почтовых ящиков. На ней уже была шапка. Без пряди возле лица она выглядела немного иначе, и я на секунду поискал глазами её сумку, чтобы убедиться.

— Дверь сопротивляется? — спросила она.

— Немного.

— Я слышала.

Я спустился к ней. Она надела сумку через плечо, повернув тяжёлую часть на спину. Сложенная стойка помещалась вдоль руки. В свободной ладони она держала провод, который никак не хотел целиком убираться в карман.

— Дать подержу? — спросил я.

— Стойку можешь.

Она передала её сразу, не уточняя, удобно ли мне. Металл был холодный, с тёплым местом там, где держала она. Я взял его ближе к середине.

Мара толкнула входную дверь. Дождь всё ещё шёл, но теперь его было слышно только на козырьке.

— У тебя обувь не промокает?

Я посмотрел на кроссовки.

— Пока нет.

— Тогда налево.

Я придержал дверь, чтобы она не хлопнула, и потянул за собой до щелчка.

Глава 3. Ночная карта

Я пошёл за Марой до конца лестницы, хотя не знал, куда именно она собиралась меня вести. На улице дождь закончился, но козырёк ещё капал. Вода падала с одинаковыми промежутками, будто кто-то наверху крутил ручку.

Мара стояла у стены и проверяла аппаратуру. На ней была тёмная куртка, широкие брюки и старые кроссовки, которые выглядели так, словно их специально возили по грязи. На плече висела сумка с микрофонами. Рекордер она держала обеими руками, как небольшой прибор для измерения чужих разговоров.

— Ты точно не передумал? — спросила она.

— Я не успел.

— Это не ответ.

— Тогда нет.

Она посмотрела на часы.

— До первой точки минут десять.

— Какой точки?

— Вентиляционная шахта.

— Звучит лучше, чем я рассчитывал.

— Я могла сказать «подземный переход». Ты бы ушёл.

— Возможно.

— Поэтому не сказала.

Она протянула мне небольшой фонарь.

— Держи.

— Я думал, ты просто записываешь город.

— Так и есть.

— А фонарь зачем?

— Город плохо записывается в полной темноте.

Я включил фонарь. Луч упёрся в мокрый асфальт и ничего не изменил.

Мы пошли вдоль домов. Мара шла быстро, не оглядываясь, но каждый раз останавливалась у перекрёстка, когда загорался красный. Я успевал догнать её и сделать вид, что не отставал. В кармане у меня лежала сигарета. Я несколько раз нащупывал её, но не закурил. Это было неудобно, и поэтому подходило для прогулки.

Первую шахту мы нашли за оградой технического здания. Там гудел большой вентилятор, спрятанный за решёткой. Вокруг пахло мокрым бетоном и горячей пылью. Мара поставила стойку, закрепила на ней микрофон и достала длинный кабель.

— Что именно ты ищешь? — спросил я.

— Низкую частоту. Вентиляция даёт постоянный тон, но он меняется, когда внутри здания включают разные системы.

— И это кому-то нужно?

— Мне — нужно.

— Это убедительно.

— Для начала достаточно.

Она надела наушники и включила запись. На экране появились тонкие зелёные линии. Мара отошла на несколько шагов, присела, снова встала и переставила микрофон. Я держал фонарь на стене.

— Не двигайся, — сказала она.

— Я уже это делал сегодня.

— Здесь дольше.

— Насколько?

— Пока я не закончу.

Я остался стоять. Вентилятор гудел, с дороги доносились шины и редкие сигналы. В наушниках Мары, наверное, всё это превращалось в отдельные слои. У меня был только один слой — гул, который забирался в зубы.

Мара закрыла глаза. Лицо у неё стало спокойнее, чем обычно. Не мягче, просто перестало участвовать в происходящем. Я посмотрел на часы. Прошло четыре минуты. Потом ещё две.

Фонарь начал нагреваться в руке. Я переложил его в другую, стараясь не шуметь. Мара сразу открыла глаза.

— Я сказала не двигаться.

— Я поменял руку.

— Это движение.

— Незначительное.

— Для тебя.

Я снова замер. Вентилятор за решёткой вдруг изменил тон. Низкий гул поднялся, стал тоньше, а затем вернулся обратно. Мара нажала кнопку на рекордере и нахмурилась.

— Что? — спросил я.

— Ничего.

— У тебя лицо «что-то».

— У меня рабочее лицо.

— Выглядит так, будто кто-то умер.

— Это лицо для случаев, когда запись испорчена.

Она перемотала несколько секунд и прослушала фрагмент. Я стоял рядом и слышал только шипение из её наушников. Потом в нём что-то провалилось, и на короткий момент мне показалось, что внутри гудения кто-то сказал: «Не подходи».

Мара сняла один наушник.

— Ты слышал?

— Вентилятор.

— Я спросила не это.

Я пожал плечами.

— Что-то там было.

Она снова включила запись. На этот раз я ничего не услышал. Только неровный шум и короткий щелчок, похожий на удар ногтем по стеклу.

— Иногда техника делает голос, — сказала Мара.

— Удобно.

— Что именно?

— Не надо решать, кто это сказал.

Она посмотрела на меня, но не стала спрашивать, о чём я. Выключила запись и начала складывать оборудование.

— Уже всё?

— Здесь — да.

— А если ты не поймала то, что хотела?

— Приду ещё раз.

— Ночью?

— Вентиляция не работает по расписанию моей жизни.

— Тебе часто приходится возвращаться?

— Куда?

— К тому, что не получилось.

Она намотала кабель на локоть.

— Это ты сейчас про запись или про себя?

— Я просто спрашиваю.

— Тогда часто.

Вторая точка находилась возле трамвайной линии. Самих трамваев ночью не было, но провода тянулись над улицей, и редкий ветер заставлял их тихо звенеть. Мара поставила микрофон под навесом остановки. Рядом светилось расписание, в котором ближайший трамвай должен был приехать через пять часов.

— Зачем записывать провода, если они молчат? — спросил я.

— Они не молчат.

— Я ничего не слышу.

— Ты и людей не всегда слышишь.

— Обычно это их устраивает.

Она подключила другой микрофон, маленький, похожий на металлический карандаш, и направила его вверх. Потом дала мне наушники.

Сначала я услышал пустую улицу. Шорох машин, треск лампы над остановкой, чей-то телевизор за стеной. Потом в самом верху появился тонкий протяжный звук. Он был почти незаметным, но не исчезал. Когда ветер проходил между проводами, звук сдвигался на полтона.

— Похоже на сигнализацию, — сказал я.

— Это не сигнализация.

— Я знаю.

— Тогда зачем сказал?

— Чтобы разговор не прекращался.

Мара забрала наушники.

— Разговоры тоже можно записывать. Только потом непонятно, что с ними делать.

Она отошла к краю остановки и присела. Я остался рядом с микрофоном. Над нами чернели провода. На дальнем перекрёстке сменился свет, хотя машин там не было.

— Ты работаешь одна? — спросил я.

— Сейчас — да.

— А вообще?

— Иногда с людьми, которые задают слишком много вопросов.

— Я могу сократить.

— Не надо. Ты пока не мешаешь.

— Хорошая оценка.

— Я не раздаю хорошие оценки.

— А плохие?

— Их проще получить.

Она записывала около пятнадцати минут. За это время мимо нас прошёл мужчина с пакетом, остановился у края платформы и посмотрел на пустые рельсы. Потом ушёл в обратную сторону. Мара не повернула голову. Только после того, как он скрылся за углом, спросила:

— Он что-то сказал?

— Нет.

— Жаль.

— Ты записываешь людей?

— Если они оказываются рядом.

— Они знают?

— Не всегда.

— Это законно?

— Ты работаешь на линии, где всё записывают.

— Там люди звонят сами.

— И всё равно не знают, куда потом деваются их голоса.

Я подумал о службе. Там всё записывали, но почти ничего не оставалось у тех, кто это слышал.

— Ты потом слушаешь всё? — спросил я.

— Не всё.

— А что делаешь с остальным?

— Удаляю.

— Без сожаления?

— Сожаление занимает больше места, чем файлы.

— У тебя всё так просто?

— Нет. Просто я не держу то, что мне не принадлежит.

Она сказала это без нажима, будто объясняла, как закрывать крышку на рекордере. Я посмотрел на её руки. Пальцы были в мелких царапинах, на большом пальце — чёрная полоска от кабеля.

В пустой переход мы спустились через несколько кварталов. Лестница была закрыта наполовину металлической лентой, но Мара пролезла под ней, не замедлив шага. Я последовал за ней и зацепился курткой за край.

— Подожди.

— Я жду.

— Ты стоишь и смотришь.

— Это тоже форма ожидания.

Я освободил рукав. Внизу пахло сыростью и старым электричеством. Несколько ламп не горели. В дальнем конце перехода работал автомат с напитками, хотя его экран был чёрным. Изнутри доносилось тихое потрескивание.

Мара выбрала место под потолком, где трубы пересекались с кабелями, и поставила рекордер на бетонный выступ.

— Здесь что? — спросил я.

— Пустота.

— В переходе?

— Люди обычно думают, что пустота — это когда ничего нет. На самом деле это когда звуки не знают, за что зацепиться.

— Это уже похоже на хорошую оценку.

— Не привыкай.

Она попросила меня постоять у лестницы и не разговаривать. Я встал. Мара включила запись и отошла к стене. В переходе гудели трубы, где-то капала вода. Капли падали неравномерно, но через минуту я понял, что промежутки повторяются. Потом потерял счёт.

Я посмотрел на часы. Было без двадцати два. Мы вышли из дома около половины двенадцатого. Я думал, прошло минут сорок.

Мара закончила запись и подошла ко мне.

— Нормально?

— Сколько времени?

— Почти два.

— Мы здесь два часа?

— Почти. Ты просто не смотрел на часы.

— Это объясняет многое.

Она посмотрела на экран рекордера.

— Ещё одну попробую.

— Ты говорила, что это последняя.

— Я передумала.

— Так бывает?

— Иногда.

Она поставила микрофон ближе к стене и снова включила запись. Я не стал смотреть на часы. Сначала было непривычно. Рука сама полезла в карман за телефоном, но я оставил его там.

Вода продолжала капать. В какой-то момент одна из ламп над лестницей мигнула и погасла. В переходе стало темнее, но никто ничего не сказал. Мара стояла в нескольких метрах от меня, её лицо освещал маленький экран рекордера. На секунду мне показалось, что свет идёт не от него, а изнутри стены.

Я моргнул. Стена осталась стеной.

— Всё, — сказала Мара.

— Ты уверена?

— Нет. Но достаточно.

Мы поднялись наверх. Ночь стала холоднее. На углу стоял фургон с кофе, за стеклом сидел парень в зелёной шапке и читал. Мара купила два бумажных стакана.

— Я не просил.

— Я знаю.

— А если я не пью сладкий?

— Тогда сегодня начнёшь.

Кофе оказался слишком сладким и обжигал язык. Мы стояли под навесом и смотрели, как редкие машины проходят через перекрёсток.

— Ты всем так раздаёшь работу? — спросила Мара.

— Что?

— Приглашаешь на ночные прогулки, а потом заставляешь держать фонарь.

— Только тем, кто сам просит не двигаться.

— Я не просила тебя идти.

— Ты сказала «тогда налево».

— Это было направление.

— Я воспринял как приглашение.

— Твоя проблема.

— Возможно.

Она улыбнулась. Не широко, но достаточно, чтобы я заметил.

— Ты всегда такой осторожный?

— Нет.

— Сегодня да.

— Я держу фонарь.

— Это не делает тебя осторожным.

— Зато полезным.

Мара выбросила пустой стакан в урну, не попала и оставила его на краю. Потом подняла и бросила ещё раз.

— Поедем ко мне? — спросила она.

— Далеко?

— Двадцать минут.

— Ты часто зовёшь людей домой после того, как записываешь с ними провода?

— Только если они не мешали.

— А если мешали?

— Я отвожу их обратно.

Я допил кофе. Во рту осталось много сахара.

— Тогда поехали.

Мы вызвали машину. Пока ждали, Мара проверила записи и переименовала файлы. В списке были короткие названия: «вентиляция_03», «линия_север», «переход_после». Она несколько раз стирала буквы и набирала заново.

— Ты потом делаешь из этого музыку? — спросил я.

— Не совсем. Это будет звуковая карта. Несколько залов, десятки точек. Люди смогут ходить между ними и слышать город не так, как обычно.

— Как обычно — это как?

— Не замечая.

— Я сегодня много чего не замечал.

— Это не обязательно плохо.

— Обычно нет.

Машина остановилась у тротуара. Водитель назвал имя Мары и открыл багажник. Она положила туда сумку, а мне дала одну стойку.

— Осторожно, — сказала она. — Там микрофон.

— А если сломаю?

— Заплатишь.

— У меня нет денег на микрофон.

— Тогда не ломай.

Её квартира находилась в старом доме недалеко от железнодорожной линии. В подъезде пахло краской и чужим ужином. На третьем этаже Мара открыла дверь без света. Внутри было тихо, только за стеной работал холодильник.

Она включила торшер. Комната оказалась больше, чем казалась с порога. На полу стояли коробки с кабелями, у окна — два микрофонных штатива. На стене висели фотографии пустых мест: закрытый бассейн, лестница без перил, ряд металлических дверей. На кухонном столе лежали ножницы, изолента и тарелка с остывшей пастой.

— Будешь? — спросила Мара.

— Нет.

— Я тоже не хочу.

Она сняла куртку и бросила её на спинку стула. Я поставил стойку у стены.

— Ты можешь остаться, — сказала она.

— До утра?

— Если не начнёшь храпеть.

— Я не храплю.

— Откуда знаешь?

— Никто не жаловался.

— Может, они были вежливые.

Она открыла холодильник и достала две банки пива. Одну протянула мне. Я взял.

— За что? — спросил я.

— Ни за что.

Мы выпили, стоя у кухонной стойки. Мара съела несколько холодных вилок пасты, прямо из тарелки. Я сел на подоконник и смотрел на железнодорожные огни за домами. Они двигались медленно, один за другим, и почти не было слышно самого поезда.

— Ты правда не смотришь на часы? — спросила Мара.

— Сейчас смотрю.

— Я про сегодня.

— Зачем мне смотреть?

— Обычно люди торопятся.

— Я не очень.

— Это заметно.

— Ты поэтому меня позвала?

— Я позвала тебя, потому что ты не разговаривал три минуты.

— Есть люди, которые за это платят.

— У меня пока бюджет небольшой.

Она поставила тарелку в раковину, не помыв её. Потом села рядом со мной на подоконник. Её плечо коснулось моего. За стеной холодильник гудел низко и ровно. На этом фоне поезд прошёл почти бесшумно.

Она повернулась ко мне.

— Ты можешь уйти, — сказала она.

— Могу.

— Но не уходишь.

— Пока нет.

— Хорошо.

Она поцеловала меня первой. Я сначала держал руки на коленях, будто боялся задеть оборудование. Потом положил ладонь ей на шею. От неё пахло кофе, дождём и чем-то металлическим, что, наверное, осталось от микрофонов.

Мы перебрались с подоконника на узкий диван. Мара выключила торшер, и комната осталась в свете города. За стеной кто-то включил воду. Мы остановились, когда из её сумки донёсся короткий электронный сигнал.

— Это запись? — спросил я.

— Таймер.

— На что?

— Напомнить, что я существую.

— Помогает?

— Иногда.

Она выключила сигнал и бросила телефон на пол. Потом снова поцеловала меня. Дальше я запомнил не всё: край дивана под ладонью, звук молнии, как за окном проехала машина и свет скользнул по потолку. Мара несколько раз смеялась, когда я пытался сделать вид, что знаю, что делаю. Я не стал объяснять, что не знаю.

После она ушла в ванную. Вода включилась почти сразу. Я лежал на диване и слушал, как капает кран на кухне. Через стену холодильник продолжал свою ровную работу.

На полу возле моей руки лежал её телефон. Экран загорелся от сообщения. Имя отправителя я увидел случайно и сразу отвернулся. Потом экран погас.

Мара вернулась в длинной футболке и вытерла волосы полотенцем.

— Ты спишь на диване, — сказала она.

— Я понял.

— Если хочешь, можешь взять одеяло.

— А ты?

— Я в комнате.

— Вместе нельзя?

Она остановилась.

— Можно. Но я не хочу, чтобы ты решил, будто это что-то меняет.

— Я ничего не решил.

— Ты быстро решаешь. Просто не говоришь об этом.

Я посмотрел на стену, где висела фотография пустой лестницы.

— Тогда диван.

— Хорошо.

Она принесла одеяло и бросила мне. Потом вернулась к двери спальни.

Я лежал на диване, накрывшись одеялом до подбородка. На кухне капала вода. В телефоне было несколько сообщений от Марка. Последнее: «Ты жив? Если нет, отдай мне свою куртку». Я набрал «жив» и не отправил. Потом отправил.

Марк ответил почти сразу: «Скучно. Вернись в общество».

Я положил телефон экраном вниз. В комнате было тихо, но не совсем. Где-то в стенах работали трубы, за окном проходили поезда, а из закрытой сумки Мары доносился слабый электрический шум. Я не посмотрел на часы.

Когда проснулся, за окном уже светлело. Мара стояла на кухне босиком и записывала что-то маленьким микрофоном возле открытого окна.

— Ты что делаешь? — спросил я.

— Утро.

— Оно шумит?

— Уже.

— Я могу помочь.

— Ты уже помог.

— Чем?

— Не задавал вопросов первые три минуты.

Она говорила это, не оборачиваясь. Я сел на диване, нашёл под ним свою футболку и надел её.

— Кофе есть?

— Есть растворимый.

— Подойдёт.

Она поставила передо мной кружку. На ней было написано: «НЕ ТРОГАТЬ». Я выпил слишком горячий кофе и обжёгся.

Мара вернулась к окну. Я смотрел на её спину, на кабель, протянутый через пол, на штатив возле двери. Потом телефон на диване коротко завибрировал.

Сообщение было от неё.

«Не забудь забрать куртку».

Глава 4. Живой человек

Я ушёл от Мары около восьми. Она снова сидела у окна в наушниках и только подняла руку, когда я сказал, что ухожу. Куртку я чуть не забыл: она висела на спинке стула, и Мара, не оборачиваясь, показала на неё пальцем.

На улице было светло и холодно. У автобусной остановки школьник ел что-то из бумажного пакета, а женщина в спортивной куртке ругалась по телефону. Я пошёл пешком, хотя до дома было сорок минут.

Дома я лёг в одежде и проспал до вечера. Ночную смену отработал так, что утром не мог вспомнить ни одного звонка, снова лёг и проснулся от вибрации телефона.

— Ты живой? — спросил Марк.

— Пока да.

— Отлично. Значит, сегодня можно пить.

— Я и так пил.

— Это не считается, если ты не помнишь, с кем.

Я посмотрел на экран. Было пять вечера. За окном темнело, хотя до настоящей ночи оставалось несколько часов.

— Где?

— В месте, где пиво не стоит как мелкая ипотека. Я уже там.

— Ты опять один?

— Я не один. Со мной бармен, но он меня осуждает.

Я сказал, что приду, и сам удивился, что сказал это сразу.

Марк выбрал бар возле станции, в котором столы были покрыты липким лаком, а телевизоры показывали спортивный канал без звука. Он сидел у окна в серой рубашке с закатанными рукавами. Перед ним стоял стакан с виски и вода, которую он не трогал.

— Ты опоздал на двадцать минут, — сказал он.

— Значит, ты успел соскучиться.

— Нет. Я успел заказать за тебя.

На столе стояла бутылка светлого пива.

— Ты запомнил?

— У тебя три состояния: светлое пиво, тёмное пиво и «мне всё равно, принеси что-нибудь». Последнее ты говоришь после третьего.

Я сел напротив. Марк посмотрел на мою куртку.

— Новая?

— Нет.

— У тебя на рукаве масло.

— Я знаю.

— Тогда это точно не новая.

Я открыл бутылку. Пиво было тёплым. Марк сделал вид, что не заметил, как я поморщился.

— Ну? — спросил он.

— Что?

— Ты сказал, что придёшь. Обычно ты говоришь «посмотрим», а потом я вижу тебя через три недели с лицом человека, которого вызвали в суд.

— У меня лицо такое.

— Теперь нет.

— Какое теперь?

— Как у человека, который вспомнил пароль от старого телефона.

Я отпил пива.

— Я встретил одну женщину.

Марк откинулся на спинку стула и поднял стакан.

— Наконец-то. Я уже боялся, что ты умрёшь, не дав мне возможности сказать, что был прав.

— В чём?

— Во всём. Я пока не решил, во всём ли, но потом выберу подходящее.

— Её зовут Мара.

— Уже есть имя. Быстро.

— Она сама сказала.

— А фамилия?

— Не знаю.

— Значит, всё серьёзно.

Он улыбнулся, но смотрел на меня внимательно. Я сделал ещё глоток.

— Она работает со звуком. Записывает город.

— Что именно?

— Тишину.

— Городскую?

— Наверное.

— А домашнюю тишину она записывает? У меня в кухне холодильник так гудит, что соседи считают его членом семьи.

— Она записывала лестницу.

— И ты попал в запись?

— Три минуты стоял неподвижно.

— Это уже достижение. Я думал, ты можешь неподвижно только спать.

— Я не спал.

— Три минуты?

— Да.

Марк покрутил стакан.

— И что потом?

— Потом мы пошли записывать другие места.

— Например?

— Переход. Вентиляцию. Провода трамвая.

— Ты ходил ночью смотреть на провода трамвая?

— Она смотрела.

— А ты?

— Тоже.

— Дин, ты рассказываешь это так, будто тебя завербовали в секту людей, которые слушают трубы.

— Она не секта.

— Хорошо. Пока не секта.

Я улыбнулся. Марк заметил.

— Вот. Я это видел.

— Что?

— Улыбку. Она у тебя ещё работает.

— Иногда.

— Сколько вы знакомы?

— С позавчера.

— И уже ходили ночью по городу?

— Да.

— И ты был у неё?

Я посмотрел на бутылку.

— Был.

— Ага.

— Не делай такое лицо.

— Какое?

— Будто выиграл спор.

— Я ничего не говорил.

— Ты сказал «ага».

— Это было очень содержательное «ага».

Официантка поставила на стол миску с солёными орехами. Марк подвинул её ко мне, хотя сам обычно съедал всё до того, как успевал заказать вторую порцию.

— Она знает, чем ты занимаешься? — спросил он.

— Знает.

— И не сбежала?

— Почему должна?

— Ты работаешь ночью на телефоне и разговариваешь с людьми, которые звонят, когда всем остальным уже надоели. Не самая весёлая визитка.

— Я не рассказываю им весёлое.

— А что ты рассказываешь?

— Я слушаю.

— Это хуже. Люди любят, когда им рассказывают, что делать.

— Она не такая.

— Ты видел её одну ночь.

— Длинную.

— Конечно. Тогда всё ясно.

Марк взял орех и разломил его ногтем.

— У меня в пятницу был разговор с Томом.

— С каким Томом?

— С моим начальником.

— А, с этим.

— Он хочет, чтобы я переехал в другой офис на три месяца. В пригород. Говорит, там команда сильнее и перспективы лучше.

— Ты хочешь?

— Я хочу, чтобы он сам туда переехал.

— Это не ответ.

— Это очень хороший ответ, просто не для отдела кадров.

Он засмеялся. Потом посмотрел в окно.

— Если соглашусь, буду тратить на дорогу полтора часа в одну сторону. Если не соглашусь, он начнёт искать человека, который согласится.

— Тогда не соглашайся.

— Вот почему я люблю с тобой советоваться. Ты всегда находишь третий вариант.

— Какой?

— Сказать «нет» и остаться без работы.

— Можно найти другую.

— Можно. Ты тоже можешь найти другую.

Я допил бутылку и поставил её на край стола.

— Мне подходит моя.

— Потому что ночью никто не видит, что ты там.

— Потому что ночью меньше людей.

— Это почти одно и то же.

Я хотел спросить, как у него с девушкой, но он уже открыл рот.

— Келли сказала, что я эмоционально недоступен.

— Это она сказала?

— Да.

— А ты что ответил?

— Что у меня есть выходные.

— Смешно.

— Она не засмеялась.

— Люди редко смеются, когда ты говоришь им правду.

— Это была не правда. В прошлую субботу я был доступен. Но она работала.

Я взял орех. Он оказался слишком солёным.

— Ты собираешься что-то делать с этим? — спросил я.

— С Келли?

— С работой. С Келли. С собой.

— Я уже сделал. Пришёл в бар и заказал виски.

— Серьёзный план.

— Я не могу сразу менять всё. Это создаёт плохой пример для окружающих.

Он налил себе ещё немного и поднял стакан.

— За Мару.

— Почему за неё?

— Потому что она хотя бы заставила тебя прийти сюда до того, как я начал писать заявление о пропаже.

— Я приходил бы.

— Ты приходил. В основном во сне.

Мы выпили. Через некоторое время Марк стал говорить о работе, о клиентах, которые путали скидку с личным оскорблением, о начальнице, которая писала сообщения без гласных. Я слушал и иногда смеялся в нужных местах. Он рассказал, что Келли собирается на следующие выходные к сестре и, возможно, не вернётся до понедельника.

— Возможно? — спросил я.

— Она сказала «посмотрим».

— Это не значит, что она не вернётся.

— Ты эксперт по слову «посмотрим»?

— Нет.

— А выглядишь как эксперт.

Он замолчал, а потом спросил:

— Ты ей уже писал?

— Один раз.

— Что?

— «Ты где?»

— Великолепно. Женщины обожают, когда им напоминают о географии.

— Она ответила?

— Через четыре часа.

— Что?

— «Работаю».

Марк поставил стакан.

— Дин.

— Что?

— Ничего. Просто у тебя появилась жизнь. Не начни её сразу охранять.

— Я ничего не охраняю.

— Пока.

Я посмотрел в окно: люди торопились к станции, пряча лица от ветра.

— Ты меня слушаешь? — спросил Марк.

— Да.

— Я сказал, что могу зайти к тебе в среду.

— Зачем?

— Посмотреть, не умер ли ты от новой любви.

— Не приходи.

— Отлично. Значит, приду.

— Я буду спать.

— Тогда я войду тихо и оставлю тебе еду.

— Не надо.

— Я знаю, что не надо. Поэтому и оставлю.

Он позвал официантку и заказал ещё два пива. Я хотел сказать, что больше не буду, но не сказал.

К девяти часам Марк начал говорить громче. Я — меньше. Он рассказал историю про своего клиента, который трижды возвращал один и тот же пылесос, потому что тот «не создавал доверия».

— Пылесосы теперь тоже должны быть эмоционально доступны, — сказал Марк.

— Ты мог бы продать ему другой.

— Я предложил. Он спросил, есть ли у него гарантия на чувства.

— И что ты сказал?

— Что чувства не входят в комплект.

— Тебя уволят.

— Сначала меня переведут в пригород.

Когда мы вышли, дождь только начинался. Марк остановился под навесом и застегнул рубашку до последней пуговицы.

— Тебе куда? — спросил он.

— Домой.

— К ней?

— Нет.

— Уверен?

— Не начинай.

— Я ничего не начинаю. Я заканчиваю вечер, пока ты не начал рассказывать мне про трамвайные провода.

— Ты иди к себе.

— Я иду к себе. Ты иди к себе. Все должны куда-то идти, Дин.

— Увидимся.

— Если ты не исчезнешь.

— Не исчезну.

Он ушёл к станции. Я постоял под навесом и пошёл домой.

В квартире было холодно. Я не включил свет в прихожей, снял куртку и оставил её на стуле. В кухне стояла кружка с засохшим кофе. В холодильнике нашлась половина контейнера с лапшой, которую я не помнил, когда покупал. Я поставил её в микроволновку, но забыл нажать кнопку.

Телефон лежал на столе. Я несколько раз открывал переписку с Марой, хотя новых сообщений не было.

Потом заметил коробку у шкафа.

Она стояла там два года, под старым пледом. На крышке сохранилась наклейка от магазина, который уже закрылся. Я не знал, что именно внутри. Вещи Эммы. Это было достаточно точное описание, чтобы не открывать.

Я снял плед.

Коробка была покрыта пылью по краям, но посередине оставалась чистая полоса. Когда-то я ставил на неё обувь, потом перестал. На полу рядом лежал один носок, не мой.

Я открыл крышку.

Сверху лежала зарядка от телефона. Чёрный провод был закручен в круг и закреплён тонкой резинкой. Я сразу узнал её. Эмма брала эту зарядку в поездки и всегда забывала вернуть на место. Я находил её в ванной, под подушкой, однажды в морозильнике.

Под зарядкой лежали две книги, шарф, маленькая косметичка и конверт с фотографиями. Я не стал смотреть фотографии. Достал зарядку и положил на стол.

Телефон был у меня в руке. Я открыл контакты, нашёл имя Эммы и написал:

«Привет. У меня остались твои вещи. Могу завезти на неделе».

Я перечитал. Слово «остались» выглядело так, будто вещи сами решили не уходить.

Я добавил: «И зарядка».

Получилось хуже.

Удалил вторую фразу и поставил точку после «неделе». Потом убрал точку.

Палец остановился над кнопкой «отправить».

Я снова прочитал сообщение.

«Привет. У меня остались твои вещи. Могу завезти на неделе».

Внизу мигал курсор.

Я добавил: «Если тебе удобно».

Потом удалил всё после «неделе».

Экран погас.

Сообщение осталось в черновиках.

Я поставил зарядку рядом с телефоном, закрыл коробку и снова накрыл её пледом. Потом достал пиво из холодильника. Открыл. Сделал глоток и понял, что оно тёплое.

Будильник стоял на четыре дня. Я лёг на диван, не раздеваясь, и положил телефон экраном вниз. Через минуту перевернул его обратно.

Новое сообщение не пришло.

Я закрыл глаза.

Глава 5. Без «мы»

Утром телефон лежал экраном вверх. Я посмотрел на него раньше, чем понял, который час.

Сообщение было от Мары.

«Ты сегодня свободен после шести?»

Я написал «да», стёр, написал «вроде» и снова стёр. Потом отправил «Да».

Ответ пришёл почти сразу.

«Хорошо».

На этом всё.

Я положил телефон рядом с подушкой и ещё минут десять смотрел на потолок. Будильник стоял на четыре дня, но я всё равно проснулся в одиннадцать. В холодильнике оставалась половина пиццы, купленной ночью на заправке. Края стали твёрдыми. Я съел один, поставил коробку обратно и выпил пива, хотя было без четверти двенадцать.

Марк прислал фотографию какого-то офисного торта. На торте кремом было написано: «СУПЕРКОМАНДА».

Под фотографией он написал: «У нас опять праздник. Я скоро начну есть из принтера».

Я поставил реакцию с большим пальцем.

Он тут же позвонил.

— Ты живой?

— Пока да.

— Великолепно. Я уже хотел приехать и проверить. Правда, не хотел, но мог бы сказать, что хотел.

— Спасибо.

— Как она?

Я сел на край дивана. На стуле висела рубашка Мары: утром я сунул её в пакет вместе со своей курткой и заметил только дома. Она пахла её квартирой — пылью от старых колонок, кофе и чем-то мятным.

— Нормально.

— Это человек или погода?

— Человек.

— А. Тогда подробности.

— У неё работа.

— У всех работа.

— Не у всех ночью ходят с микрофоном по парковкам.

— Ты тоже ночью ходишь с микрофоном по парковкам?

— Нет.

— Значит, это уже серьёзнее, чем я думал.

Он говорил быстро, будто в офисе кто-то стоял рядом и мог отнять телефон. Я слышал за его спиной музыку и голоса.

— Ты сегодня работаешь? — спросил он.

— Да.

— А до работы?

— Не знаю.

— Ты не знаешь, что делаешь до ночной смены?

— Пока нет.

— Отличный план. Напомни, если понадобится помощь с провалом.

— Я позвоню.

— Не позвонишь.

— Тогда не напомню.

Он засмеялся. Потом спросил, не хочу ли я вечером выпить. Я сказал, что у меня уже есть планы. Марк помолчал дольше, чем требовалось для обычного «ладно».

— С ней?

— Наверное.

— Ты хотя бы знаешь, что вы будете делать?

— Нет.

— Тогда удачи в планах без планов.

Он отключился первым.

Я принял душ, долго стоял под горячей водой и всё равно надел ту же футболку. Рубашку Мары я запихнул в пакет, чтобы не забыть вернуть. Потом достал её оттуда и повесил на спинку стула. Она выглядела чужой. Не настолько чужой, чтобы убрать, и не настолько моей, чтобы оставить.

До вечера я успел сходить в магазин, выбросить две банки из-под пива и поставить третью в холодильник. Пустой холодильник шумел ровно, без перебоев.

Мара написала в пять сорок.

«Я у старого кинотеатра. Принеси наушники, если есть».

У меня были служебные наушники, но домой я их не приносил. Я взял обычные, с одним работающим ухом, и вышел.

Старый кинотеатр стоял между автомойкой и закрытым магазином мебели. В нём давно показывали только пыль. На фасаде остались буквы, из которых можно было собрать слово «театр», если не смотреть на пропуски.

Мара сидела на бетонном бордюре и держала рекордер на коленях. Рядом лежал чехол с кабелями. На ней были широкие серые брюки, чёрная майка и куртка, слишком лёгкая для вечера.

— Ты пришёл, — сказала она.

— Ты позвала.

— Это не всегда одно и то же.

— Сегодня совпало.

Она посмотрела на пакет у меня в руке.

— Ты принёс её.

— Она у меня была.

— Я вижу.

— Можешь забрать.

— Потом.

Она встала и убрала рекордер в сумку.

— Мне нужно записать вентиляцию за зданием. Потом шум дороги. Потом, если останется время, зайти ко мне.

— Хороший порядок.

— Он не обязательный.

Мы пошли за кинотеатр. Там между кирпичной стеной и сетчатым забором стоял низкий металлический короб. Из него шёл сухой гул, похожий на старый компьютер, который забыли выключить.

Мара поставила микрофон на стойку, надела наушники и показала мне ладонью отойти.

— Не наступай на листья.

— Я постараюсь.

— Не надо стараться. Просто не наступай.

Я встал у стены. Она проверила уровень, записала несколько секунд, остановила.

— Машина проехала.

— Я не слышал.

— В записи слышно.

Она снова нажала кнопку. Я смотрел на маленький экран рекордера. Цифры двигались, хотя снаружи ничего не происходило. Мара стояла неподвижно, слегка наклонив голову. В этом было что-то знакомое. Три минуты на лестнице, её рука, поднятая перед моим лицом, и просьба не двигаться. Тогда я подумал, что она странная. Теперь это казалось её обычным способом разговаривать с миром.

— Ты всегда всё записываешь? — спросил я, когда она сняла наушники.

— Нет. Иногда слушаю.

— Разница?

— Если записываю, можно переслушать.

— А если просто слушаешь?

— Нельзя.

Она сказала это без важности, как будто объясняла, почему закрыла дверь.

Мы пошли вдоль задней стены. Мара останавливалась у водостока, у вентиляционного люка, у металлической двери. Я держал её чехол и старался не задавать вопросов через каждые пять минут.

У автомойки зашипела вода. Мара резко подняла микрофон, будто звук мог убежать. Я засмеялся.

— Что?

— Ничего.

— Ты мешаешь.

— Чем?

— Тем, что смеёшься рядом с записью.

— Извини.

Она посмотрела на меня и тоже улыбнулась.

— Ладно.

Когда стемнело, мы перешли дорогу и купили кофе в маленьком киоске. Мара взяла чёрный, я — с молоком, хотя обычно пил без него. Крышка на моём стакане плохо закрывалась, и кофе вытекал на пальцы.

— У тебя сегодня смена? — спросила она.

— Ночью.

— Во сколько?

— В десять.

— Тогда у нас есть несколько часов.

— До чего?

— До десяти.

Я посмотрел на неё. Она пила кофе, глядя на поток машин.

— Можно у тебя посидеть?

— Можно.

— Я не помешаю?

— Наверное, помешаешь.

— Хорошо.

— Я не сказала, что это плохо.

В её квартире было теплее, чем на улице, и темнее. Она не включила верхний свет, только лампу у стола. На стене висели фотографии, но не людей — пустая автобусная остановка, лестница в подземном переходе, мокрый асфальт под фонарём. На полу стояли коробки с подписями: «ДОЖДЬ», «ЛИФТЫ», «ПОДЗЕМКА», «ГОЛОСА».

— Это всё ты записала? — спросил я.

— Большую часть.

— А остальное?

— Люди прислали.

— Просто так?

— Иногда им нравится, когда их слушают.

Я снял куртку и повесил её на край стула. Мара достала из холодильника две банки сидра.

— Ты будешь? — спросила она.

— Буду.

— На работе потом не уснёшь?

— Нет.

— Ты вообще спишь?

— Между четырьмя и одиннадцатью.

— Это не сон. Это перерыв между сменами.

— Работает.

Она протянула мне банку.

— Ты всё делаешь так, будто проверяешь, работает ли.

— Обычно достаточно.

— А если нет?

— Тогда перестаю.

— Удобно.

Я открыл сидр. Она села на пол, прислонившись к дивану. Я сел рядом, оставив между нами расстояние, которое занимала её куртка.

— У тебя часто бывают люди? — спросил я.

— Бывает.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю.

Она поставила банку на пол.

— Дин, я не ищу сейчас отношений.

— Я тоже.

— Ты быстро ответил.

— Потому что это правда.

— Может быть.

Она посмотрела на меня прямо, без улыбки.

— Я встречаюсь с другими людьми. Не только с тобой. И не собираюсь сообщать тебе, где я и с кем.

— Хорошо.

— Мы не пара.

— Я понял.

— Нет, ты ещё ничего не понял. Ты просто согласился.

Я пожал плечами.

— А что нужно сделать?

— Ничего. Можно не делать.

— Тогда я не буду.

Она отвернулась к окну. За стеклом мигал красный сигнал светофора. Он отражался в комнате, проходил по её лицу и исчезал.

— У меня уже был человек, который сначала говорил, что ему всё подходит, — сказала Мара. — Потом он начал спрашивать, почему я не написала, где была и кто у меня ночевал. Потом решил, что если он достаточно спокойно спросит, это перестанет быть проверкой.

— Я не буду спрашивать.

— Ты опять очень быстро.

— Я умею не спрашивать.

— Ты умеешь молчать. Это не всегда одно и то же.

Я посмотрел на её руки. На большом пальце был тонкий порез, заклеенный прозрачным пластырем.

— Я не хочу проблем, — сказал я.

— Я тоже.

— Значит, всё нормально.

— Не обязательно.

Она взяла свою банку и сделала глоток. Разговор на этом закончился, хотя мы остались в той же комнате.

Я думал о том, что мог бы сказать что-нибудь точнее. Например, что мне не нужны гарантии, что я не ревнивый, что мне всё равно, с кем она видится. Но в каждом варианте слышалось слово «я».

Она включила запись из старого кинотеатра. Сначала шёл гул вентиляции, потом далёкий автомобиль, потом короткий металлический стук. Звук был плоским и чистым. В нём не было ни улицы, ни стены, ни её рук. Только движение воздуха и несколько случайностей.

— Долго? — спросил я.

— Что?

— Эта штука с картой.

— Ещё несколько месяцев.

— Потом закончишь.

— Да.

— И что дальше?

— Другая работа.

— Звук?

— Скорее всего.

— Ты не устаёшь всё время искать новые места?

— Устаю. Поэтому иногда записываю одно и то же место несколько раз.

— Оно меняется?

— Я меняюсь. Место не обязано.

Я не ответил. В записи зашуршало что-то похожее на бумагу. Мара перемотала назад и включила снова.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Что именно?

— На заднем плане.

Я надел наушник. В левом ухе треск был сильнее, чем в правом. За вентиляцией и машинами кто-то долго тянул один звук, почти человеческий. Потом он обрывался.

— Голос? — спросил я.

— Нет.

— Похоже.

— Поэтому я оставлю.

Она выключила запись. В квартире стало тихо. Где-то в стене прошла вода. Я услышал, как она провела пальцем по краю банки.

— Ты можешь остаться до своей смены, — сказала Мара.

— А потом?

— Потом уйдёшь на работу.

— Удобно.

— Я знаю.

Я остался.

Она работала за столом, чистила дорожки и подписывала файлы. Я лежал на диване и листал новости без звука. Иногда она спрашивала, который час. Я отвечал, хотя часы были у неё перед лицом.

В половине девятого она открыла коробку с надписью «ГОЛОСА» и достала несколько маленьких кассет.

— Это ещё можно слушать? — спросил я.

— Можно, если есть устройство.

— У тебя есть?

— Нет.

— Тогда нельзя.

— Наверное.

Она положила кассеты обратно.

Я смотрел, как она работает, и пытался не смотреть, сколько времени осталось. Получалось плохо. В девять двадцать я встал.

— Мне пора.

— До смены ещё сорок минут.

— Нужно дойти.

— До твоей работы пятнадцать минут.

— Значит, нужно выйти за тридцать.

— Почему?

— Не знаю.

Она повернулась ко мне на стуле.

— Ты можешь не уходить прямо сейчас.

Я сел обратно.

— Могу.

— Тогда не уходи.

Я остался ещё на десять минут. Потом она закрыла ноутбук и подошла к дивану.

— Если хочешь, можешь поспать здесь после смены.

— Я справлюсь дома.

— Я не сомневаюсь.

Она стояла близко. Я слышал, как в наушниках на столе продолжал работать какой-то маленький индикатор. Красная точка мигала через одинаковые промежутки.

— Ты завтра занята? — спросил я.

— Днём — да.

— А ночью?

— Не знаю.

— Можешь написать.

— Могу.

— Напишешь?

Она чуть подняла брови.

— Ты хочешь, чтобы я написала?

— Да.

— Тогда так и скажи.

— Я хочу, чтобы ты написала.

— Хорошо.

Она поцеловала меня первой. Я ответил, поставив ладонь ей на талию. Мы задели стол, и рекордер коротко пискнул. Мара отстранилась и посмотрела на него.

— Он записывает?
— Нет.
— Ты уверена?
— Да.
— Ты проверяла?
— Я его выключила.
— Ладно.
— Ты всегда такой?
— Какой?
— Проверяющий.
— Нет.
Она улыбнулась.
— Сегодня нет?
— Сегодня нет.
Она снова поцеловала меня.

Позже я не помнил, кто первым снял куртку и кто выключил лампу. Помнил, как по полу прокатился металлический переходник и остановился у ножки стола. Помнил её смех в подушку, воду в трубах и короткий щелчок, когда она закрыла окно. В остальном ночь сложилась из отдельных звуков, которые не получалось поставить в порядок.

Когда я одевался, Мара сидела на краю кровати и смотрела в телефон.
— Который час? — спросил я.
— Без двадцати десять.
— Уже?
— Ты можешь опоздать.
— Не могу.
— Тогда не опаздывай.

Я нашёл футболку на полу и натянул её. Она была вывернута наизнанку. Мара не сказала ничего.
— Ты завтра напишешь? — спросил я.
Она подняла взгляд.
— Я сказала, что могу.
— Это не ответ.
— Другого нет.
Я кивнул, будто меня это устраивало.
У двери я вспомнил про пакет и протянул ей.
— Твоя.
Она заглянула внутрь.
— Можешь оставить.
— Зачем?
— Не знаю.
— Тогда забери.
Она взяла пакет и положила его на полку, не вынимая рубашку.

На лестнице пахло пылью и чужой едой. Лампочка на площадке загорелась не сразу. Я постоял у двери, пока она не погасла, потом спустился.

На улице было пусто. Я достал телефон и посмотрел на экран. Новых сообщений не было. Мара стояла в окне, но я не поднял голову проверить. До смены оставалось пятнадцать минут. Я пошёл быстрее.

В операторской Клэр сидела на краю стола и пыталась открыть пакет хлопьев зубами. Майлз искал зарядку под клавиатурой.

— Ты опоздал на три минуты, — сказала Клэр.
— Я не опоздал.
— Лиз ещё не пришла. Значит, ты не опоздал.
— Тогда зачем сказала?
— Хотела посмотреть, заметишь ли.
Майлз поднял голову.
— Если найдёшь зарядку, она моя.
— Если найду, отдам Лиз.
— Это жестоко.
— Она старшая.
— Именно поэтому.
Клэр наконец разорвала пакет и высыпала хлопья в бумажный стакан.
— Ты выглядишь ужасно, — сказала она.
— Спасибо.
— Это не комплимент.
— Тогда спасибо вдвойне.
Она посмотрела на меня внимательнее.
— У тебя футболка наизнанку.
— Я знаю.
— Нет, не знал.
Я посмотрел на шов на плече. Она была права.
— Ты наконец выглядишь как человек, который куда-то ходит, — сказала Клэр.
— Я пришёл на работу.
— Это не считается.
Лиз вошла, сняла пальто и положила его на спинку стула.
— Майлз, отчёт за вчера.
— У меня почти готов.
— Он у тебя пустой.
— Я оставил место для мыслей.
— Заполни цифрами.
Клэр хмыкнула и надела гарнитуру.

Я сел за свой стол. На экране уже мигало окно внутренней системы: линия свободна, длительность последнего звонка — ноль. В правом верхнем углу часы показывали 22:03.

Первый звонок был от женщины, которая потеряла кошку. Второй — от парня, не решавшегося открыть письмо из университета. Я говорил привычные вещи, задавал нужные вопросы, не обещал того, чего служба не могла дать. После каждого звонка ставил короткую отметку без имени и без подробностей. Система не знала, кто звонил. Я тоже.

В перерыве я вышел на лестницу. На площадке было холодно. Я достал сигарету и посмотрел на телефон.

Сообщение от Мары пришло в 00:17.

«Ты добрался?»

Я написал «да».

Через несколько секунд появился ответ.

«Хорошо».

Я убрал телефон.

Клэр открыла дверь и высунула голову.

— Тебя зовут.

— Кто?

— Твоя тайная жизнь.

— Это Лиз?

— Она тоже.

Я вернулся к столу. Следующий звонок уже шёл. На экране не было имени, только таймер. Я надел гарнитуру и нажал кнопку.

— Линия поддержки. Я слушаю.

На другом конце молчали. Потом мужчина сказал, что не знает, зачем позвонил. Я попросил его рассказать, что происходит сегодня. Он долго дышал в трубку, а затем начал говорить о квартире, из которой не мог выйти.

Я записывал служебные отметки и смотрел на мигающий экран телефона. Новых сообщений не было.

Когда звонок закончился, я обнаружил, что всё ещё держу палец над кнопкой ответа. Лиз прошла мимо и поставила рядом со мной кружку.

— Холодный кофе, — сказала она.

— Спасибо.

— Не за что.

Я сделал глоток. Он был горький и уже не совсем кофе.

В три часа я снова проверил телефон. Ничего.

В четыре — тоже.

Перед концом смены я написал Маре: «Ты спишь?»

Сообщение осталось без ответа.

Я стёр его, но в окне чата всё равно осталась отметка о том, что оно было отправлено. Я положил телефон экраном вниз и включил следующий звонок.

Глава 6. Нужный голос

К началу смены я уже успел дважды проверить телефон.

Первый раз — в лифте, хотя там не ловила сеть. Второй — у турникета, пока Майлз прикладывал свою карту и безуспешно пытался удержать бумажный стакан с хлопьями.

— Если это убежит, я увольняюсь, — сказал он.

— Ты говорил это вчера.

— Вчера убежало не всё.

На дне стакана плавали размокшие хлопья. Майлз держал его двумя пальцами, как улику. На экране моего телефона не было новых сообщений.

Мара написала утром: «Сегодня, возможно, буду рядом с прачечной на Уэст-Олдер. Если не усну».

Я ответил: «Напиши».

Она поставила реакцию в виде большого пальца и больше ничего не прислала.

Клэр сидела на подоконнике у задней лестницы и курила, хотя до начала смены оставалось десять минут.

— Ты опять смотришь на пустой экран, — сказала она.

— Он не пустой. Там заряд.

— Тогда всё хорошо.

Я убрал телефон в карман. Через секунду достал снова, чтобы проверить время.

— У тебя есть часы, — сказала Клэр.

— Телефон точнее.

— Ты оператор линии помощи. У тебя даже время должно быть с сомнением.

Клэр курила тонкие сигареты с запахом горячей бумаги. Через две недели она должна была уйти учиться на медсестру. Это она сообщила мне ещё месяц назад, а потом несколько раз повторила, каждый раз дожидаясь моего подтверждения.

— Ты сегодня последний раз работаешь с нами? — спросил я.

— Нет. Но это была бы хорошая новость для всех.

— Для Майлза точно.

— Майлз не знает, что я существую.

Майлз стоял у автомата с водой и пытался открыть пластиковую ложку зубами.

Клэр затушила сигарету о край жестяной банки.

— Тебе Марк писал?

— Нет.

— А Мара?

— Тоже нет.

— Я не спрашивала про Мару.

— Но могла.

— Могла. Не стала.

Она спрыгнула с подоконника и первой пошла в операторскую. Я остался ещё на несколько секунд, хотя курить уже было нечего.

В операторской гудели мониторы. На стене висели часы с чёрными стрелками и царапиной под цифрой два. Над каждым столом горела небольшая зелёная лампа. Они включались автоматически, когда поступал звонок, но иногда одна загоралась без причины. Лиз говорила, что это неисправный контакт. Майлз однажды сказал, что лампа просто хочет поговорить.

Мой стол стоял у стены. Я поставил рядом бутылку воды, блокнот и телефон экраном вниз. Потом перевернул его обратно.

Лиз прошла между рядами, проверяя, все ли вошли в систему.

— Дин, у тебя звук есть?

— Есть.

— Гарнитура?

— Работает.

— Голова на месте?

— Не проверял.

— Проверь до первого звонка.

Она не улыбнулась. Лиз вообще редко улыбалась, но не потому, что была суровой. Просто у неё лицо как у человека, который давно перестал тратить выражения впустую.

В десять минут одиннадцатого поступил первый звонок. Женщина спросила, можно ли плакать на работе, если никто не видит. Я сказал, что можно, если ей так легче, и потом долго слушал, как она складывает в ящике какие-то бумаги.

Второй звонок был от мужчины, который не мог решить, писать ли бывшему начальнику. Третий — от девушки, боявшейся, что её сосед умрёт в ванной, хотя сосед был жив и просто громко храпел.

Я отвечал, задавал вопросы, повторял отдельные слова, когда человек замолкал. На мониторе появлялись только длительность разговора и два поля, которые нужно было отметить после завершения: «острый риск» и «дополнительная помощь». Имена, если их называли, никуда не записывались. Адресов не было. В конце звонка запись об абоненте исчезала из системы: оставались только длительность разговора и отмеченные поля.

Это было удобно.

Ближе к полуночи Майлз уронил ложку. Она упала под стол, и он полез за ней, не выключая микрофон.

— Простите, — сказал он кому-то в наушниках. — Это был не вы.

Клэр сняла наушник и посмотрела на него.

— Когда-нибудь ты случайно скажешь абоненту правду.

— Я и сейчас говорю правду.

— Это хуже.

Я записал в блокнот номер внутренней линии и снова посмотрел на телефон. Мара была в сети семь минут назад. Я открыл переписку, набрал «Ты где?» и стёр. Потом написал «Не уснула?» и тоже стёр.

Поступил звонок.

— Линия поддержки. Я слушаю.

На другом конце несколько секунд шуршала одежда.

— Можно я сначала помолчу?

— Можно.

Женщина молчала почти минуту. Потом сказала, что не может больше жить с сестрой. Я слушал, пока она перечисляла причины: чужая кружка в раковине, музыка за стеной, вопрос «ты куда?», заданный слишком спокойным голосом. В конце она сказала, что завтра снимет комнату, даже если денег хватит только на две недели.

Я спросил, есть ли у неё место, где она может переночевать сегодня.

В два сорок семь Клэр ушла на лестницу. Я увидел её через стекло в двери: она прислонилась к стене и смотрела в темноту, не закуривая. Майлз в это время спал с открытыми глазами. Я подумал, что он слушает звонок, но потом заметил, что у него на экране телефона идёт видео с человеком, который собирает мебель.

В два пятьдесят девять линия зазвонила.

Я нажал кнопку.

— Линия поддержки. Я слушаю.

— Хочу рассказать про одну женщину.

Я выпрямился в кресле.

Голос был хриплым, но не от болезни. Мужчина говорил негромко. После каждой фразы он замолкал и ждал, не донесётся ли из-за двери чей-нибудь голос.

— Рассказывайте.

— Я сегодня звонил уже два раза.

— Нам нельзя видеть предыдущие звонки.

— Я знаю. Другой оператор мне это сказал.

Я посмотрел на серую строку под таймером. Там было только 00:18. Никакого имени.

— Вы хотите продолжить разговор?

— С вами — да.

Он произнёс это без нажима. Просто выбрал.

— Почему?

— Не знаю. У вас голос не торопится.

Я поставил локоть на стол.

— Вы раньше говорили, что стоите напротив дома этой женщины.

— Сегодня я не стою.

— Где вы?

— В машине.

— Вы собираетесь ехать к ней?

— Нет.

— Откуда вы знаете?

— Потому что ключи лежат на сиденье рядом, а я не беру их.

В трубке послышался короткий металлический звук. Может быть, он действительно тронул ключи. Может быть, просто задел что-то рукой.

— Вы звонили другим операторам, — сказал я.

— Да.

— И вам не помогли?

— Помогли. Один сказал, чтобы я назвал пять вещей, которые вижу. Я назвал пять вещей. Потом он попросил назвать четыре звука.

— И это не сработало?

— Сработало на четыре звука.

— А остальные операторы? — спросил я.

— Одна женщина долго молчала. Мне стало неловко, и я положил трубку. Ещё один мужчина говорил слишком быстро. Я не успевал решать, что он сказал.

— А я?

— Вы уже знаете, о чём я говорю.

— Я знаю только то, что вы рассказывали мне раньше.

— Нет. Вы знаете, как это звучит.

Я ничего не ответил.

— Я не помню, как вас зовут, — продолжил он. — Вы никогда не назывались.

— Здесь операторы не называют имён.

— Поэтому мне нравится ваш голос.

Я посмотрел на стеклянную дверь. Клэр вернулась с лестницы, но не вошла. Она стояла снаружи и показывала мне на часы. Я не понял, что именно она хотела сказать.

— Что вы сейчас видите? — спросил я.

— Ветровое стекло. Аптеку на углу. Свет у неё мигает, хотя закрыто.

— Вы всё ещё можете остаться в машине.

— Могу.

— Тогда останьтесь.

— Вы говорите, а сами никуда не уходите.

Я провёл пальцем по краю блокнота.

— Я на работе.

— Это не одно и то же.

— Для этой ночи — одно и то же.

Он тихо засмеялся. Смех был короткий, почти беззвучный.

— Я звонил не только вам.

— Я понял.

— Но хотел попасть к вам.

— Вы не можете выбрать оператора.

— Я знаю. В этом и было неприятное.

Я спросил, что он собирается делать после разговора.

— Съехать с парковки, — сказал он. — В другой конец города.

— Куда именно?

— Не знаю.

— Можете выбрать место, где пробудете хотя бы час.

— Наверное.

Он снова замолчал. Я слышал, как работает двигатель. Неровно, с паузами, как старый холодильник в моей квартире.

— Вы всё ещё здесь? — спросил он.

— Да.

— Хорошо.

Через несколько минут он сказал, что выключил двигатель и убрал ключи в карман. Потом спросил, можно ли позвонить ещё раз завтра.

— Линия работает круглосуточно.

— Я знаю. Но кто ответит?

— Не знаю.

— Тогда, может быть, завтра повезёт.

Он попрощался первым.

На экране появилось: 00:19:32.

Я записал в служебном поле, что непосредственного риска не выявлено.

Клэр вошла.

— Это был он?

Я снял гарнитуру и положил её на стол.

— Кто?

— Тот, с которым ты иногда говоришь дольше всех.

— Ты слушала?

— Нет. Видела твоё лицо.

— Какое?

— Лицо человека, которому сказали, что он выиграл право продолжать работать.

Я посмотрел на неё.

— Это не похоже на выигрыш.

— Тогда поздравляю. Ты начинаешь различать оттенки.

Она села на край соседнего стола.

— Он правда считает, что у тебя нужный голос?

— Он так сказал.

— Тебе приятно?

— Не знаю.

— Ты всегда говоришь «не знаю», когда знаешь, но не хочешь произносить.

— Это неправда.

— Вот сейчас ты не знаешь, правда это или нет.

Я надел гарнитуру. На линии никого не было.

— Через две недели ты уйдёшь, — сказал я.

— Ты опять пытаешься сменить тему.

— Я просто вспомнил.

— Я тоже. Поэтому и говорю.

Она спрыгнула со стола и пошла к автомату с кофе. Я не стал спрашивать, что именно она хотела сказать. Клэр умела начинать разговоры так, что продолжать их приходилось самому. Это было одним из её раздражающих качеств.

В три двадцать один я заметил, что настенные часы показывают тринадцать минут четвертого.

На мониторе было 03:21.

Я подумал, что часы остановились. Потом секундная стрелка двинулась.

— Сколько времени? — спросил я.

Клэр, не поворачивая головы, посмотрела на стену.

— Три двадцать две.

Я тоже посмотрел туда. Стрелки показывали 03:14.

Я ничего не сказал.

В четыре десять позвонил мужчина, который боялся уснуть после того, как увидел в новостях пожар. В четыре сорок девушка спросила, можно ли отменить собственную свадьбу за три месяца до даты. Майлз ответил ей, что нельзя отменить только погоду. Лиз услышала это и велела ему больше не шутить про погоду.

В пять тридцать я написал Марку: «Позавтракаем перед твоей работой?»

Он ответил почти сразу.

«Если ты опять не уснёшь — да».

Я написал: «В шесть пятнадцать у закусочной на станции?»

«В шесть пятнадцать. Ты платишь за кофе. Я плачу за картошку, которую не заказывал».

Я убрал телефон.

В шесть без десяти Мара прислала сообщение.

«Я рядом с прачечной на Олдер. Есть час, может быть меньше. Хочешь помочь?»

Я посмотрел на сообщение Марка, оставшееся выше.

«В шесть пятнадцать. Ты платишь за кофе».

Я набрал: «Да. Где именно?»

Ответ пришёл через несколько секунд.

«24-hour Wash. Вход со стороны парковки. И возьми тёплую куртку».

Я написал Марку: «Не смогу сегодня. Возникло дело».

Он ответил не сразу.

«Какое?»

Я не знал, что написать. В итоге отправил: «Работа».

Через минуту он прислал: «Ты уже восемь лет работаешь ночью. Она тоже работает ночью?»

Я не ответил.

Лиз остановилась возле моего стола.

— Ты уходишь?

— После смены.

— В этот раз домой?

— Нет.

Она увидела телефон в моей руке, но ничего не сказала.

На улице уже светлело. Небо между домами было серым, как экран, на котором забыли открыть окно. Я закурил у служебного входа и написал Маре, что буду через двадцать минут.

Она ответила: «Не спеши. Прачечная не убежит».

Я потушил сигарету, не докурив.

До Олдер было четыре остановки на автобусе, но я пошёл пешком. Через два квартала понял, что забыл дома тёплую куртку. Возвращаться не стал. Мара могла передумать, и тогда мне пришлось бы снова идти сюда, только уже без причины.

Прачечная находилась между магазином, который продавал подержанные телефоны, и закрытым баром. Над входом мигала синяя вывеска WASH, а буква A не загоралась. Внутри пахло порошком, горячей резиной и мокрыми монетами.

Мара сидела на пластиковом стуле у стены. Перед ней стоял рекордер, направленный на ряд сушильных машин. На коленях лежал блокнот, рядом — чёрные наушники.

Она подняла взгляд.

— Быстро.

— Я шёл пешком.

— Я не про дорогу.

Она посмотрела на мою тонкую куртку.

— Я сказала взять тёплую.

— Я взял эту.

— Это не тёплая.

— Тогда ты неправильно назвала её.

Мара улыбнулась и подвинула второй стул.

— Сядь. Не трогай рекордер.

— Я помню.

— Ты помнишь три минуты. Не больше.

Я сел рядом. Прачечная была почти пустой. У дальней стены женщина в зелёном свитере складывала простыни в корзину. За стеклом вращались барабаны, и бельё ударялось о стенки с одинаковыми промежутками.

— Что ты записываешь? — спросил я.

— Сушилки.

— Я слышу.

— Ты слышишь сушилки. Я записываю, как они не совпадают.

— Они все работают одновременно.

— Именно.

Она надела наушники и протянула мне один.

— Слушай минуту. Потом скажешь, что услышал.

— Зачем?

— Чтобы не мешать мне первые тридцать секунд.

Я взял наушник.

В записи сушилки звучали ближе. Одна гудела низко, другая отстукивала короткий металлический ритм, третья время от времени вздыхала: воздух с шипением проходил через узкую щель. За этим слышалась прачечная: дверь, шаги, монеты, вода в трубах.

А потом появился ещё один звук.

Тихое потрескивание, похожее на шорох бумаги.

Я снял наушник.

— Что это?

— Пластик в барабане. Или проводка.

— Ты не знаешь?

— Знать не обязательно. Важно, что он есть.

Она забрала наушник и снова посмотрела на прибор.

— Тут запись для городской карты?

— Для неё тоже. Но прачечная не войдёт в финальную версию.

— Почему?

— Слишком много одинаковых мест. Город не запомнит одну прачечную среди двадцати семи других.

— А ты запомнишь?

— Я запоминаю звуки. Не места.

— Это удобно.

— Не особенно.

Она нажала кнопку на рекордере. Красный индикатор загорелся.

— Теперь молчи.

Я молчал. В соседнем ряду открылась дверца. Женщина в зелёном свитере вынула бельё, встряхнула простыню и положила её в корзину. Одна из сушилок остановилась. Через несколько секунд остановилась вторая. Третья продолжала работать, и её гул стал заметнее.

Я посмотрел на Мару. Она сидела неподвижно, глядя на шкалу уровня звука.

На телефоне у меня появилось сообщение.

«Дело важное?» — написал Марк.

Я выключил экран.

Мара ничего не спросила.

Когда запись закончилась, она убрала рекордер в сумку.

— Можно ещё одну, — сказала она. — Дверь и монеты.

— У тебя есть час.

— Уже сорок семь минут.

— Тогда быстрее.

Она посмотрела на меня и рассмеялась.

— Ты сейчас торопишь меня на записи тишины.

— Я помогаю.

— Ты мешаешь.

— Это тоже помощь.

Мы перешли к автоматам с монетами. Мара поставила микрофон на край металлической полки и попросила меня вставить монету в третью машину.

— Почему я?

— У тебя руки холодные. Будет слышно, как ты двигаешься.

— Это не звучит как комплимент.

— Я не делала комплимент.

Я вставил монету. Машина загудела, приняла её не сразу, потом выплюнула обратно.

— Она не работает, — сказал я.

— Ещё раз.

— Я уже помог.

— Ещё раз.

Я вставил монету снова. На этот раз аппарат включился. В записи щёлкнуло, затем раздался глубокий шум, похожий на далёкий поезд.

Мара слушала, прикрыв один глаз.

— Хорошо, — сказала она.

— Я могу быть полезным.

— Не привыкай.

— Поздно.

Она сняла наушники.

— Ты сегодня не спал?
— Спал вчера.
— Это не ответ.
— Тогда нет.
— После прачечной поедешь домой?
— Если ты скажешь.
— Я не говорю людям, куда им ехать.
— Можешь попробовать.
Мара убрала микрофон в чехол.
— У меня ещё одна точка через двадцать минут.
— Я могу поехать с тобой.
— Можешь.
Она не добавила ничего. Я тоже.

За стеклом барабан третьей сушилки медленно остановился. Внутри осталось одно маленькое красное полотенце. Оно двигалось ещё несколько секунд после того, как машина замолчала, потом сползло вниз и замерло.

Мара закрыла сумку.
— Идём.
Я достал телефон. От Марка было ещё одно сообщение.
«Ладно. Живи своей важной работой».
Я прочитал его дважды и не стал отвечать.

Мара открыла дверь прачечной. Над нами мигнула вывеска. Буква А загорелась на секунду и сразу погасла.

Мара вышла на парковку. Я пошёл за ней, оставив телефон в кармане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.